

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА г. ТОМСКА
Муниципальная библиотека «СЕВЕРНАЯ»

ТОМСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

Выпуск 2

Дайджест

Томск, 2005

63.3(253.3-2Томск)-282.4
Т56

Составители:
Авдеева, О. А. библиотекарь
Скорниченко, М. А. гл. библиограф

Томское купечество: Дайджест: Вып. 2. / Муниципальная информационная библиотечная система. МБ «Северная»; Сост. О. А. Авдеева, М. А. Скорниченко.- Томск: [б.и.].

Вып. 2. – 2005.- 65 с.

В дайджесте представлен материал об известных томских купеческих фамилиях.

Дайджест рекомендован широкому кругу читателей, интересующихся историей Томска.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Любой город имеет свою историю, которая складывается из множества событий и судеб.

Предлагаем вашему вниманию второй выпуск дайджеста «Томское купечество». Он составлен на основе публикаций в местной периодической печати: газеты «Красное знамя», «Томский вестник», «Все для Вас» и др.

В конце дайджеста дан список использованной литературы. Как полнотекстовый документ, дайджест представлен на Web-сайте МИБС (<http://www.library.tomsk.ru>) в разделе “ Ресурсы” и в Электронном каталоге МИБС.

Дайджест рекомендован широкому кругу читателей, интересующихся историей Томска.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧТО ЗАВЕЩАЛИ НАМ ТОМСКИЕ КУПЦЫ	5
ВЫТНОВЫ.....	8
Взлет и падение дома Вытновых.....	11
КАРИМ – БАЙ.....	12
Дочь Заисточного КАРИМ-БАЯ	18
БРАТЬЯ КОРОЛЕВЫ.....	22
Евграф Иванович Королев	24
ТОМСКИЕ КРЮГЕРЫ	36
ЕВГРАФ КУХТЕРИН И ЕГО СЫНОВЬЯ.....	38
ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ МИХАЙЛОВ.....	42
Михайловская роща	45
СЕМЕЙНОЕ ДЕРЕВО НЕКРАСОВЫХ.....	48
Больница Некрасова	50
ФЕДОР ХАРЛАМПИЕВИЧ ПУШНИКОВ	52
СТЕПАН СОСУЛИН	54
Династия Сосулиных и Степановка.....	56
ЗАХАРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЦИБУЛЬСКИЙ	60
СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ДАЙДЖЕСТЕ	64

ЧТО ЗАВЕЩАЛИ НАМ ТОМСКИЕ КУПЦЫ

Всеобщая
благотворительность
заключается в том, чтобы
каждый жил своим трудом,
а не чужим.

А. Франс.

400-летие Томска стало поводом для того, чтобы вспомнить свою историю: еще раз пройтись по старым улицам, смахнуть пыль со старых портретов именитых некогда горожан. Какие имена вспомнятся, не будут съедены молью веков? Лишь те, кто в свое время прогремел, оставил след в жизни Томска, и не маленький, как след от велосипеда на проселочной дороге, а глубокий, который не зарастет сорной травой людского забвения. Этих людей по праву можно назвать элитой города.

История Томска - это четыре века, ровно столько же насчитывает и история томских элит. Появление и развитие элит в Сибири по-своему уникально: они никогда не были замкнутыми, здесь легко было появиться новому человеку и вполне реальным было пройти путь от малоизвестного гостя города до человека, в руках которого оказывается власть.

Пожалуй, начало истории томских элит наименее богато событиями, значимыми для нас. Наш город тогда, по сути, вовсе и не город, а небольшое военное поселение, охраняющее позиции государства. Поэтому сила, власть и авторитет - у военных да еще у священнослужителей, ведь в дореволюционной России православная церковь имела очень прочные позиции. Рождение томской элиты в чем-то напоминает опыт Америки, где истории многих крупных городов начинались так же: появлялся форт, в нем - военный комендант и духовник.

Восемнадцатый век. Томск тогда превратился в административный центр, стал прологом для века девятнадцатого, века, в котором будут происходить наиболее интересные события. Появляются новые действующие лица: купечество - сила, которая будет влиять на ход жизни Томска вплоть до революции. Девятнадцатый век знаменателен и тем, что образуется Томская губерния, этот шаг усиливает позиции административной элиты. В середине девятнадцатого века очень сильны позиции православной церкви: образуется Томская епархия, а в 1858 году на базе духовного училища при мужском монастыре открывается духовная семинария, имеющая статус высшего учебного заведения. До появления вузов в Томске высшее духовенство - наиболее образованное сословие, наиболее влиятельное в сфере нравственной.

(Так было до открытия в 1888-м Томского Императорского университета, после чего появилась совершенно новая группа элиты - научная.)

Вот одни из интересных примеров: в 1842 году преосвященный Афанасий (человек, написавший 22 тома житий святых) совершает некоторый переворот в умах и душах прихожан. После литургии в Благовещенском соборе он произносит страстную речь, призывая построить собор, который бы соответствовал статусу и назначению губернского города. Начинают собирать пожертвования, и не копейные: золотопромышленник Асташев дарит три миллиона кирпичей, престарелая купчиха Цыбульская завещает на собор 150 тысяч...

В девятнадцатом веке Сибирь, как и Америку, не миновала "золотая лихорадка". Многие состояния сколочены именно на золоте, наиболее громкие, известные фамилии в Томске - Асташевы, Сосулины.

История демонстрирует нам массу примеров, когда представители одной группы элит были связаны, а порою даже зависели от другой группы. На века цепочка: управленцы и финансовая элита. В начале века было принято решение построить новый окружной суд, но вот, к несчастью, казна не смогла выделить необходимые средства. Все расходы на себя

взяла фирма "Евграф Кухтерин и сыновья". Интересный пример связи элиты купеческого сословия и элиты духовной являет Карим Аминович Хамитов, владевший огромным состоянием: на его деньги была построена Красная соборная мечеть (одна из двух в Заистоке), а его брат был настоятелем этой мечети.

Говорить о людях, живших примерно сто лет назад (а, может быть, и больше) сложно: элита подразумевает принадлежность к некоторой духовной общности, определенному уровню мышления и решаемых задач. Время съедает мелкие, но такие важные детали повседневной жизни, оставляя лишь имена и знаки материального благополучия - дома. Человек девятнадцатого века имел уникальную возможность вписать себя в город... Наверное, у людей того времени была особая психология: они чувствовали себя творцами Томска. Пройдемся по проспекту Ленина (от остановки "Главпочтамт" до пересечения пр. Ленина - Фрунзе): Дворец бракосочетания - особняк Флеера, краеведческий музей - усадьба золотопромышленника Асташева, а позже архиерейский дом и, наконец, мэрия - здание, построенное по заказу Евграфа Кухтерина. Ряд этих примеров можно продолжить... Сложно представить центр Томска без этих зданий, даже мысленно не получается стереть их. Сам собой напрашивается вывод: не будь этих людей - не было бы и того явления, которое принято называть "наш город".

Нельзя все-таки не сказать и об общественных поступках: ведь принадлежность к элите определяется способностью влиять на социальные процессы. Мало что изменилось с начала двадцатого века: в России две беды - дураки и дороги. Томск начала века был весьма и весьма грязен, в 1904 году городской голова - врач А. И. Макушин (брат П.И. Макушина) - настоял на том, что улицы нужно замостить. В идеале слова "элита" и "инновации" должны соприкасаться: лишь на первый взгляд инновация - качество мышления и деятельности последних лет. Это не так. В 1843 году в Томске происходит нечто для города совершенно новое: основан первый в Томске банк - Сибирский Общественный... по завещанию томского купца и

золотопромышленника А. Я. Попова, выделившего для этой цели часть своего капитала.

БУЛГАКОВА, О.
Красное знамя. 2003. 30 июля.- С.4

ВЫТНОВЫ

Купечество старого Томска не может похвастаться богатыми родословными: два, от силы три поколения предпринимателей успели реализовать себя в недолгий срок, отпущенный им историей. Семья Вытновых в этом отношении, можно сказать, типична.

Отыскать сведения о времени и месте появления на свет родоначальника фамилии, Василия Никифоровича Вытнова, мне пока не удалось. Известно лишь, что скончался он ровно 90 лет назад, 30 апреля (13 мая) 1904 года в преклонном возрасте, имея взрослых внуков. Следовательно, по всем расчетам, родился в десятых-двадцатых годах прошлого столетия.

В Госархиве Томской области, в фонде городской Думы хранится едва ли не в полметра толщиной книга, в которую записывались купцы и метане, получившие торговые свидетельства в 1859 году. Среди прочих имеется в ней запись о купце третьей гильдии Василии Вытнове. Тут же значится жена его Мария Петровна, сын Гавриил 17 лет, Петр - 12 лет, дочери; Анна - десяти, Фелонида - девяти, Капитолина - семи, Еванфия - трех лет и Виридея - шести месяцев.

Не совсем обычные даже для тех времен имена дочерей наводят на мысль о набожности Вытновых, нарекавших младенцев строго по святам. Благочестивость их подтверждает и такой факт. В 1891-м Петр Васильевич Вытнов, будучи старостой приходской церкви, во имя Сошествия Святого Духа, на свои средства произвел капитальный ремонт здания, после чего состоялось даже малое освящение храма. Заботились Вытновы и о церкви в селе Зоркальцеве, где стоял их винокуренный завод.

- Помилуйте, как же сочеталось это попечительство о храмах с занятием винокурением? - усомнится пытливый читатель. Что ж, возможно оно-то и толкало Вытновых на благотворительность. Некоторые исследователи полагают, что русское купечество воспринимало свое богатство как грех, который следовало отмаливать.

«Дело», питавшее Вытновых, было, конечно, далеко не богоугодным. Они вели торговлю спиртом, вином, водками и наливками собственного производства и других винодельческих фирм. Имели в Томске больше десятка лавок, ренсковых погребов, оптовый склад вина и спирта и водочный завод, а на винокуренном заводе в Зоркальцеве производили чистый спирт.

Позже, в 1914-м, Вытновы приобрели «дело» по изготовлению и торговле кондитерскими и конфетно-шоколадными изделиями торгового дома «Иван Кармацкий и К⁰», купленный, в свою очередь, у Ивана Тихонова.

Говоря о производстве, я забежала немного вперед. Следовало бы сначала сказать, что не всегда Василий Вытнов ходил в купцах третьей гильдии (тем более, что и середине восьмисот шестидесятых гильдию эту упразднили). Стал он выбивать свидетельство второй гильдии, а в 1897-м учредил торговый дом «В.Н. Вытнов с сыном Петром» с объявленным капиталом и 120 тысяч рублей. Старший сын Гавриил, судя по всему, к тому времени умер, наследником остался Петр. Однако судьба не жаловала Василия Никифоровича: схоронил он в 1902-м и этого сына. Правда, подрастали внуки - Василий, Петр и Сергей Петровичи. Двое последних тоже оказались не жильцами: Сергей скончался в пятнадцатом, Петр - пережил его на семь лет.

Опорой семьи и всего «дела» остался Василий - младший. Родился он в 1882-м, закончил Томскую мужскую гимназию, а затем технологический институт, получил диплом горного инженера. Немногие купеческие семьи Томска могли сравниться в этом с Вытновыми. В областной библиотеке имени Пушкина хранится томик с экслибрисом «Домашняя

библиотека В.П. Вытнова» и книга с владельческой надписью его отца.

Получив высшее образование, Василий не стал, однако, работать по специальности, а продолжил начатое дедом и отцом. И было что продолжать! Еще в 1890 году изделия Василия Вытнова-старшего были удостоены медали на Казанской научно-промышленной выставке, два года спустя он отправил свои водки и наливки на выставку в Марсель и там получил две золотые медали, а также звание члена-корреспондента Марсельской Академии изящных искусств, наук, литературы и промышленности Христофора Колумба. Следующий, 1893-й, принес Вытновым еще одну медаль на промышленной выставке в Париже.

Василий Вытнов-младший продолжил и развил и общественную, и благотворительную деятельность деда и отца. Подобно им он избирался гласным Томской городской думы. Состоял почетным попечителем начальной школы на Мухином бугре. Работал в Комитете по управлению городской публичной библиотекой. Вместе с женой Верой стал пожизненным членом Общества для доставления средств Сибирским высшим женским курсам. В 1909-м В. Вытнов создал и возглавил Сибирский отдел Российского общества винокурных заводчиков, В восемнадцатом, когда к власти пришло Временное Сибирское правительство, он руководил Томским биржевым комитетом, был товарищем министра снабжения, председателем Торгово-промышленного союза.

Власть большевиков, утвердившаяся в Томске с конца 1919-го, в знаниях и опыте В.Вытнова не нуждалась. Он был помещен в концентрационный лагерь «за поддержку колчаковского правительства».

Где и как прожил потомственный купец остаток своей жизни? Работая над проектом «Томский некрополь», один из его участников натолкнулся в «Красном знамени» от 22 мая 1928 года на траурное объявление: «Вытнова Вера Александровна, похороны в среду 23 мая из квартиры покойной». А на следующий день газета поместила еще одно

извещение: «Вытнов Василий Петрович умер 21 мая в г. Свердловске».

В этом совпадении двух смертей крылась какая-то тайна, проглядывала целая жизненная драма. Что с ними случилось? Живы ли потомки Вытновых, хотя бы по дочерним линиям? В поисках ответов на эти вопросы, возможно, возникнут новые, сейчас пока неведомые. А может быть, ниточка разыскания оборвется... И все же будем искать.

Дмитриенко, Н.
Томский вестник. 1994. 7 мая. С.10

Взлет и падение дома Вытновых

Напомню читателям, что томский второй гильдии купец, владелец винокуренного завода Василий Вытнов был удостоен звания члена-корреспондента Марсельской академии, изящных искусств, литературы и промышленности, имел медали европейских и российских выставок, где экспонировал образцы своих водок и наливок. Внук, тоже Василий, получил высшее техническое образование, продолжил дело деда и отца, играл заметную роль в экономической и политической жизни Сибири в начале нынешнего столетия.

За время, прошедшее после публикации, у меня появились новые факты о Вытновых. Выяснилось: корни их успеха куда глубже, не в одночасье, а многими годами и десятилетиями копились богатства, наработывался коммерческий опыт. Из первого Тома «Краткой энциклопедии, купечества и коммерции Сибири», который только-только вышел в Новосибирске, видно, что Василий Вытнов-старший прибыл в Томск вместе с отцом, Никифором Леонтьевичем, вязниковским купцом, матерью Авдотьей Кузминичной и двумя братьями - Иваном и Алексеем - из Владимирской губернии. Было ему тогда двадцать лет (родился он в 1818-м), и он с ранних лет помогал отцу в его купеческих, делах.

Итак, почти столетие занимались Вытновы предпринимательством, когда появилась на свет в 1916 году Татьяна, дочь Василия Вытнова-младшего. Казалось бы, ей,

как и трем ее сестрам, стараниями и удачами четырех предшествовавших им поколений семьи Вытновых обеспечена прекрасная жизнь. Ведь они были единственными наследницами вытновского добра; братья их отца Василия. Петр и Сергей скончались бездетными. Увы, все сложилось иначе.

В Госархиве Томской области в одной из архивных папок хранятся три листочка из школьной тетради «в линейку». На них довольно решительным, больше похожим на мужской почерком изложена «Автобиография Вытновой Т.В.». Двадцатидвухлетняя Татьяна Вытнова описала не просто свою короткую жизнь неудачницы, нет, она очертила крах вековой истории своей семьи.

Оставшись без отца двенадцатилетней девочкой, Татьяна смогла окончить только семилетку, пришлось идти в школу ФЗУ, где платили небольшую стипендию. Позже работала токарем на заводе «Металлист», училась вечерами на курсах чертежников, устраивалась во многие организации и учреждения и повсюду, как ни странно, попадала «под сокращение». А в январе сорокового, когда усилились строгости в наведении дисциплины, ее и вовсе уволили «за прогул».

**Дмитриенко, Н.
Томский Вестник. 1994. С.3**

КАРИМ – БАЙ

Ранней весной 1870 г. в деревню Серебряково Томской губернии въезжала подвода, в ней сидели среди кучи нехитрого добра четверо черноглазых мальчишек. Их отец и мать сидели рядом, но были далеко не так веселы и беспечны, как их отпрыски, размышляя: что ждет их в этих суровых и холодных краях, вдали от родной Пензы? Есть ли здесь мечеть? Смогут ли дети учиться в школе? Дадут ли им землю, из-за которой то они и пустились в столь дальний путь? И вряд ли кто-нибудь из них или сбжавшихся поглазеть на

переселенцев местных жителей предполагал, что в этот день на старой телеге, в деревню въезжал будущий знаменитый миллионер-конезаводчик Карим Хамитов, построивший в Заисточье целый архитектурный комплекс, до сих пор носящий его имя...

Детство будущего миллионера прошло в забытой богом сибирской деревне. Отец, обустроившись на новом месте, стал типичным для этих мест крестьянином-середняком - трудолюбивым, прижимистым и очень любящим свою землю, на которой он был готов трудиться

от зари и до зари. Однако двое старших сыновей - Хамза и Карим - вопреки всем его ожиданиям не разделяли этой любви. Мальчишек тянуло к учебе, и, в конце концов отчаявшийся отец отправил Хамзу учиться в Бухарское медресе, по окончании которого он стал муллой Красной мечети, главой мусульман Томской губернии. Карим же, поработав какое-то время в тайге и на приисках, тоже оказался в Томске, где устроился в лавку одного из томских купцов Астахова переводчиком и мальчиком на побегушках. Очень скоро весть о необыкновенных способностях юноши, в совершенстве знающего арабский, турецкий, иранский, иракский, татарский и русский языки, распространилась далеко за пределы города - со всех сторон к нему начали поступать просьбы о переводах... Казалось бы, безбедное будущее было бы ему обеспечено, но не об этом долгими зимними ночами мечтал Карим. Лошади - вот, что было его истинной страстью. С детства он мечтал о настоящей, породистой лошади и... копил деньги. Через какое-то время его мечта осуществилась, а дальше?.. Мы сталкиваемся с первой, но далеко не последней тайной, окутывающей всю жизнь этого человека. Чем он занимался?..

Как жил?.. На каких делах сколачивал первоначальный капитал?.. Ни потомки, ни историки не могут ответить на эти вопросы. Известно только, что ко времени начала русско-японской войны Карим Хамитов был вполне состоятельным человеком, вроде бы занимавшимся торговлей пушниной, а после ее окончания стал миллионером, сделавшим состояние на поставках лошадей для царской армии.

Но, по всей видимости, разведением племенных лошадей он начал заниматься задолго до войны, поскольку еще в конце 90-х гг. водил знакомство с богатым тахтамышевским лавочником - Латыф-баем, который, по словам старожилов, был человеком очень щедрым, добрым, гостеприимным и так же, как Карим-бай, страстно влюбленным в лошадей. Летом за рекой Томью паслись многочисленные табуны, принадлежащие ему. Работавшие у него киргизы делали кумыс, который поступал на все крупные рынки города. А на праздники к Латыф-баю съезжалось множество гостей - и богатых, и бедных, - которые гуляли за его счет по несколько дней. Однако результатом такого расточительства стало банкротство - за долги описали лавку, дом, а самому незадачливому предпринимателю грозила долговая тюрьма. Спасти его могло только чудо, и оно произошло. К красивой пятнадцатилетней дочери Латыфа - Мутагаре посватался его старый друг - Карим-бай, который был старше ее на девятнадцать лет. Он уплатил в качестве калыма 2000 рублей - сумму, равную сумме долга. Однако спасенный от разорения Латыф не долго прожил с женой и двумя маленькими сыновьями в любезно снятой новоявленным зятем квартире. Лишившись всего, что любил, он захворал и вскоре умер, жена же его стала экономкой в доме Карим-бая. Мутагара родила мужу восьмерых детей. Но что же стало с двумя первыми женами Карима, ведь на дочери Латыфа он был женат уже в третий раз?

Судьба первой жены, так же, как и рожденной ею девочки - Шафиги, никому неизвестна. Ходили слухи, что она была дочерью какого-то местного богача, бежала из дома и вышла замуж без согласия отца, ее приданое помогло Кариму

встать на ноги и организовать собственный бизнес, а умерла она, то ли от болезни, то ли еще от какой напасти. Про вторую жену Карим-бая известно чуть больше, поскольку ею была знаменитая в Заисточье красавица Махмуза - женщина умная и образованная, считающаяся среди татар писательницей, но... неспособная иметь детей. Карим тут очень кстати вспомнил, что он магометанин, и, трижды прокричав при свидетелях "Талак!", расторг этот брак. Интересно, что Махмуза, несмотря ни на что, по всей видимости, сохранила к нему теплые чувства. В 1917 г., уже будучи женой крупного иркутского золотопромышленника Морзы Аплина (кстати, очень хорошего друга Карим-бая, с которым он все эти годы поддерживал очень тесные отношения), она посылает ему письмо со своей фотографией и надписью, которую можно перевести как "Не забывай...". Через два года муж ее будет расстрелян, Карим-бай умрет загадочной смертью, сама же она исчезнет где-то в Харбине...

Пока же после русско-японской войны Карим-бай наслаждается общественным признанием (он является гласно избранным депутатом городской думы) и наконец-то обретенным семейным счастьем. В 1899 г. Мутагара рождает ему долгожданного сына - Шейхуллу, затем появляются на свет еще один сын - Хамит, дочери Марьям, Хадача, Нафиша, Маниря, Нурья. А еще раньше, в 1906 г., Карим начинает строить для своей семьи дом - и не просто дом, а дворец, оконченный только в 1910 г.

Вот как описывает его одна из дочерей Карим-бая, живущая сейчас в Ташкенте: "В доме было 12 комнат. Большой зал и гостиная выходили окнами на улицу, а между ними располагалась арка с большими колоннами и изящно вылепленными карнизами. Стены комнат были обиты узорчатым шелком.

В зале стояла белая мебель с позолотой, а в простенках между окнами располагались большие зеркала. Гостиная была выполнена в цвете бордо. Темно-красные стены, такая же мебель, а на полу - пушистые, мягкие ковры. На камине - часы в позолоченном футляре с инкрустацией из драгоценных

камней". С правой стороны просторной передней была дверь в комнату старшей и любимой дочери отца Марьям - девицы столь же красивой, сколь и вздорной. Однажды она сказала Карим-баю, что хочет жить в комнате, в которой все будет исключительно в розовых тонах. Желание ее было незамедлительно исполнено.

В одной из больших комнат на потолке было изображение времен года изумительной красоты, стены же столовой были отделаны дубовыми панелями, посреди стоял большой дубовый стол, вокруг - такие же стулья, а вдоль стен - зеркальные шкафы, в которых даже шляпки гвоздей были покрыты амальгамой. В них стояла серебряная и фарфоровая посуда, которую после прихода советской власти спешно вывезли в Москву. Были еще комнаты сыновей, кабинет Карима, кухня, ванная и комнаты для прислуги. Вокруг дома располагался сад, окруженный чугунной оградой, с небольшим фонтаном, беседкой, цветочными клумбами и бродящими между них павлинами. Под домом же находились громадные подвалы с выложенными кирпичом стенами и сводчатыми потолками. Использовали их то ли как складские помещения, то ли как хранилища для фруктов, которыми вроде бы также торговал Карим-бай, но в народе ходили и до сих пор продолжают ходить упорные слухи, что именно там начинался один из подземных ходов знаменитых томских трущоб, который вел на другую сторону реки, где располагалась заимка Карим-бая. И был он таким широким, что по нему можно было прогонять коней. Был ли подземный ход на самом деле или это всего лишь выдумка досужих любопытных, до сих пор остается тайной, но доподлинно известно, что близким другом Карим-бая был не кто иной, как небезызвестный купец Кухтерин, о темном прошлом которого историки спорят до сих пор. Так или иначе, но к загадкам Карим-бая прибавляется еще одна, тем более интересная, что после его смерти наследники не смогли найти ни завещания, ни номеров банковских счетов, ни сейфа, в котором они должны были находиться. Громадный капитал исчез неизвестно куда, а жена и восемь детей

фактически остались нищими. Да и сама смерть Карим-бая до сих пор окутана тайной.

Заполучив верховную власть в Сибири, адмирал Колчак первым делом приказал арестовать счета всех сколько-нибудь богатых людей, но Карим-баю, по всей видимости, удалось вовремя снять с них деньги. В один из вечеров в его дом явились два белых офицера. Запершись в кабинете, они о чем-то очень долго и громко беседовали с хозяином, как вдруг, к ужасу испуганных домочадцев, дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял разъяренный Карим-бай, державший за грудки одного из офицеров и кричавший: "Ты хочешь разорить моих детей!" Офицеры ретировались, а Карим вскоре умер. Причина его смерти до сих пор неясна, даже ближайшие родственники начинали путаться, называя в качестве причин, кто сыпной тиф, кто кровоизлияние в мозг, кто острую сердечную недостаточность, а кто сильный стресс... А может быть, виной всему была колчаковская контрразведка, устранявшая неугодных?..

Но, так или иначе, а 31 августа 1919 г. Карима Махаммед Аминовича Хамитова не стало. Он умер, не дожив всего двух месяцев до прихода в город красных и не увидел, как рушится дело всей его жизни. На похороны Карим-бая собрались не только все его многочисленные родственники, обитатели татарской слободы, но и многие жители окрестных деревень. Карима Хамитова - человека своего времени, купца, любящего лошадей и деньги, женщин и кутежи, не стало, но им он запомнился не этим, а раздачей денег беднякам, строительством водонапорной башни и светской школы для татарских детей, из-за которой он и поссорился с родным братом Хамзой, муллой Красной мечети, писавшим на него доносы царю.

На похоронах мужа Мутагара была белой как мел, и неудивительно, ведь она осталась одна с восьмерыми детьми, практически без средств к существованию. Очень быстро дела у семьи пошли наперекосяк, от дома пришлось отказаться в пользу государства. Весной, 1922 г. Мутагара вместе с младшими детьми уехала к родственникам в Ташкент. Сыновья

Карим-бая по возвращении домой из Красной Армии остались в Томске. Старший - Шейхулла, не унаследовавший от отца ни его предприимчивости, ни силы воли, устроился на работу учителем начальных классов, голодал, был вынужден постоянно менять работу и, в конце концов, умер от тифа. Младший сын - Хамит характером пошел в отца, проявил незаурядные способности к торговле. Во времена НЭПа он привозил с Востока, из Монголии и Китая, различные экзотические товары, здесь их продавал, на то и жил, а в один прекрасный день просто взял и исчез, пропал без вести. Может быть, его убили в бескрайних монгольских степях? Может быть, почуяв, куда дует ветер, он предпочел не возвращаться в страну Советов? Но его жена Монира так и не вышла замуж, продолжая его ждать до конца своих дней, сын же Газиз погиб на фронте.

Что касается дома Карим-бая, то он, хоть и в очень запущенном состоянии, но продолжал существовать. Во времена советской власти в нем располагались детский дом, татарская школа, реставрационные мастерские, сейчас же здесь центр татарской культуры. Жаль только, что от былой красоты усадьбы практически ничего не осталось.

Журавлева, Е.

Красное знамя. 1997. 24 декабря. С.11

Дочь Заисточного КАРИМ-БАЯ

Когда я впервые после более чем семидесятилетнего перерыва ночевала в родном доме, - говорит Монира Каримовна, - охватило меня удивительное чувство успокоения. Хотя, казалось бы, в огромном пустом помещении со множеством комнат ночью должно быть одной страшно. И я по натуре большая трусиха, но был лишь крепкий сон.

Этот родной дом Мониры Каримовны Томичи-старожилы называют дворцом Хамитова, по имени ее отца, за великолепие необычной архитектуры. Настолько дворец отличается от всех губернских строений Томска, что именуют его еще жемчужиной Заистока. И, как у всякого необычного явления,

существуют всевозможные вымыслы и домыслы, связанные с именем владельца этого дворца.

- Я по приезду прочитала в одной томской публикации, что мой отец себе в жены мою маму купил, - рассказывает Монира Каримовна, - и от обиды два дня плакала. Зачем такое выдумывать? Сочинили, что продал ее обедневший купец. Даже деревню определили, где он якобы проживал, и что взял он за свою дочь две тысячи. А мамин отец был уважаемым человеком, с которым дружил даже губернатор. И когда в Томск в июле 1891 года приезжал наследник цесаревич, будущий император Николай II, моему деду во главе верховых татар, одетых в национальные наряды, довелось в почетном карауле встречать именитого гостя.

Есть в людском восприятии прошлого странная закономерность: приписывать знаменитому имени обязательно что-нибудь его порочащее, особенно если этот человек был купеческого звания. Так людская память объединила другого купца Кухтерина и двух его сыновей в один разбойничий образ, орудовавший с кистенем на извозчичьих дорогах. И выдумки эти подхвачены, размножены средствами массовой информации, благо идеология недавнего времени основывалась на очернительстве всяких там купцов. А ведь сыновья Кухтерина внедрили в Томске самое механизированное американское мукомольное производство, построили спичечную фабрику. Это кроме - многочисленных замечательных зданий и сейчас являющихся украшением города. Старик Кухтерин, бывший некогда ямщиком, затем основавший фирму, никогда ни в каком разбое не был замечен. Так за что же порочить купеческую фамилию?

Слово «бай» означает богатый. Но в сочетании Карим - бай было еще и глубокое уважение татар к своему земляку, сумевшему из нищеты подняться наверх. Томск, имевший многочисленные торговые связи с Востоком, принимал и отправлял извозчичьи обозы во все страны. И купцам для оформления многочисленных сделок постоянно требовались толмачи-перевозчики. И карьера молодого бедняка Карима началась с того, что он переводил тексты обязательств,

помогал заключать договоры, писал деловые письма, Владея многими восточными языками.

Но пожизненной страстью Карима Аменовича Хамитова всегда оставались лошади. У него был один из лучших конезаводов в губернии, поставлявший лошадей для армии. Томская артиллерийская часть, располагавшаяся в военных кирпичных казармах «Южного городка» (потом в них разместился теперешний завод режущих инструментов), всегда укомплектовывалась хамитовскими лошадьми. Вот их характеристика: «Средний рост - от 150 до 156 см, обхват подпруги - 179-188 см, обхват пястья - около 22 см. Голова большая, но не сырая. Корпус широкий, спина прямая с хорошей поясницей; круп высокий и несколько опущенный. Ноги костисты, сухи, прочны, с крепкими сухожилиями. При своей массивности лошадь подвижна, имеет хорошую рысь. Грузоподъемность можно охарактеризовать тем, что лучшие лошади хамитовского завода по зимнему пути везли 345 пудов, это 5,6 тонны». Можно представить, что артиллерийские упряжки легко транспортировали и пушки. Потому и особо ценили томские извозчики эту породу, составлявшую славу Карим-бая. Содержать конезавод, обеспечивать отменной «тягловой силой» армию и ямщиков мог только человек, обладающий талантом изумительного понимания лошадей.

- Наверное, отец был фанатом в этом деле, - вспоминает Монира Каримовна. - Вот пример его такого отношения к лошадям.

Каждое лето на целый день весь двор дома Хамитова застилал толстыми пластами войлока. Это был день смотра предложенных для покупки новых лошадей и выращенных на своем заводе. Все лошади были молодые, еще не кованые. И чтобы они не споткнулись, не повредили копыта, показывали их резвость на войлоке. Гнедые, рыжие, буланы, воронье и серые, они всегда были очень красивы на этом домашнем параде. Но Карим - бай, сидя в стороне, мгновенно различал, у какой из лошадей шея коротковата, что у специалистов называется «оленьей», определял «овечью» голову - признак непородистости, приподнятый выше холки круп тоже

исключал лошадь из желанных. Это в наше автомобильное время всякая лошадь - отрада для глаз. А в начале века только заботами специалистов сохранялись достоинства лошадей, необходимых для живучести породы. И нам сейчас кажется непонятной популярность Хамитова, потому что мы не осознаем значение лошади для томичей в те далекие годы.

А известность Карим-бая была настолько велика, что при советской власти постоянно отрицательно сказывалась на судьбе детей.

- Отец умер от кровоизлияния в мозг в 1919 году, - говорит Монира Каримовна. - Мама переехала с нами в Анжеро-Судженск. Меня отдали во второй класс, но когда выяснилось, чья я дочь, то из школы мгновенно исключили. И так продолжалось всю жизнь, куда бы мы ни уезжали. А исколесила наша семья половину страны.

Судьба всегда удивительна своей непредсказуемостью. В Казани Монира Каримовна вышла замуж за хорошего человека, заведовавшего семенным отделом народного комиссариата землеустройства Татарии. Он был награжден Большой серебряной медалью ВДНХ. Были предвоенные годы. Казалось бы, уже давно забыто, что она из купеческой семьи, но нашлась и за тысячи километров от Томска какая-то свидетельница прошлого. Доложила о социальном происхождении жены заведующего отделом. А тут еще случай. Муж, уехав в командировку, попросил Мониру отнести в партком список коммунистов, сдавших взносы. В доме специалистов, где жила Монира, все работали в одной организации, все знали друг друга. И она передала эту бумагу соседу, благо тому было по пути. А для парткома получение списка из рук соседа стало чрезвычайным событием. Сосед был сыном Муллы. Мужа Мониры Каримовны не арестовали только по тому, что отец его был преданным коммунистом с 1917 года. Но с работы сняли и сослали в деревню, насчитывавшую всего 70 дворов. Он там организовал семенной участок, посеял свою пшеницу. Началась война, отправили мужа на фронт политруком. А в 1942 году Монира Каримовна получила «похоронку».

Ей 84 года, у нее два сына, два внука, три правнука. В Томск Монира Каримовна приехала погостить к родственникам, провести родной дом.

- Единственное мое желание, - говорит Минора Каримовна, - это то, чтобы стал он местом культурного единения татар.

Старожилы Заистока помнят великолепии отделки дворца Хамитова, где потолок гостиной был расписан копиями с полотен Левитана, отражающих в пейзажах времена года. Еще живы воспоминания о павлинах, гулявших по саду.

- У моей мамы было 9 детей, - рассказывает Монира Каримовна. – Двое умерли. Наша большая семья каждое утро летом собиралась на завтрак в беседке. Отец всегда был безупречно одет: костюм-тройка, крахмальный воротничок, галстук.

А мне подумалось, что бедняк, поднявшийся до звания купца второй гильдии, наверное, очень уважал дело, которому посвятил свою жизнь.

- Знаете, о чем я мечтаю?- спросила Монира Каримовна. - Чтобы в знаменательные для нашей семьи даты съезжались мы в этот дом, чтобы в одной из комнат был музей отца. Материалов у нас много. И чтобы еще одна комната была бы нашим гарантированным жильем в дни приезда в Томск. Сейчас в доме располагается татарский культурный центр.

А мне остается добавить, что дворец Карим-бая требует очень большого ремонта, что его надо очистить от надстроек и пристроек. Как и историю томских купцов ото лжи.

Стойлов, Э.

Красное знамя. 1998. 26 сентября. С.4

БРАТЯ КОРОЛЕВЫ

В фондах Томского краеведческого музея хранятся портреты Евграфа и Всеволода Королевых, написанные в 1890 году художником Винокуровым.

Скорее всего, это те портреты, которые были заказаны по решению Городской думы и помещены в зале ее заседаний в

знак признательности города братьям Королевым за их пожертвование (80 тысяч рублей) на устройство богадельни для престарелых мужчин. Хотя не исключен и другой вариант. По одному из условий, выдвинутых жертвователями, в богадельне должны были висеть их портреты. Возможно, именно они и попали в музей.

Очень жаль, что, располагая такими ценными реликвиями прошлого, наш Музей еще не имел возможности выставить их на всеобщее обозрение. Раньше этого нельзя было сделать по, пресловутым идеологическим мотивам. Сейчас же этому препятствует затянувшийся ремонт музея. Будем надеяться, что он когда-нибудь завершится. И портреты Почетных граждан Томска Евграфа и Всеволода Королевых займут подобающее им место. А пока мы предлагаем вниманию читателей «Елани» репродукции с них. Вероятно, это первая публикация портретов Королевых.

Уже после того, как эта заметка с портретами была сдана в печать и даже набрана, обнаружился еще один «наглядный материал», связанный с личностью К. И. Королева. Больше года назад в ограде Свято-Троицкой церкви

появился памятник с фамильного склепа Королевых на бывшем Вознесенском кладбище. Вернее, то, что от него осталось. Покореженный бульдозерами, валялся он на территории ПО «Сибкабель» неммым укором нашему историческому беспамятству. К счастью, времена меняются, и есть люди, неравнодушные к прошлому своего города, к памяти о тех, кто создавал его историю. Но инициативе краеведов В. Изотова и Г. Скворцова и настоятеля Свято-Троицкой церкви протоиерея И. Яськова остатки памятника были перевезены и установлены возле храма, который когда-то тоже не был обойден меценатской

щедростью Евграфа Королева. Это было приурочено к 130-летней годовщине церкви.

Надписи на трех сторонах памятника свидетельствуют, что в склепе были похоронены сам Евграф Иванович, его первая жена Евпраксия Семеновна и их сын Ювеналий, умерший в пятилетнем возрасте. На гравировке указаны точные даты жизни всех троих.

Разумов, О.

Томский вестник. 1994. 1 октября. С.13

Евграф Иванович Королев

В конце прошлого века среда именитых томских купцов, пожалуй, не было человека более известного, чем Евграф Королев. Он слыл первым богачом крупнейшим благотворителем Томска, дважды избирался городским головой. Его заслуги были отмечены пятью “высочайшими” орденами, званиями коммерции советника и почетного гражданина города. В его честь были названы три томские улицы (Большая Королевская, Королевская и Всеволодо-Евграфская). Имя его официально или просто “в народе” закрепилось за несколькими культурно-благотворительными учреждениями старого Томска.

О Королеве уже писали в научно-исторической и популярной краеведческой литературе. И все же история его жизни воссоздана еще далеко не полностью, в имеющейся литературе немало фактических неясностей, противоречий, спорных суждений. Раньше, когда в нашей идеологии и общественном сознании господствовало негативное отношение к предпринимательскому классу, Королева изображали в основном в духе расхожих представлений о “паразитах-эксплуататорах”. И даже его благотворительная деятельность не получала должной оценки. А в публикациях последних лет наблюдается другая крайность: уж больно благостным рисуют портрет Королева некоторые авторы. Прямо-таки единственной жизненной заповедью этого купца была

благотворительность. Только и думал он о том, куда бы еще пожертвовать кругленькую сумму.

Между тем реальный Королев, человек весьма своеобразный и своенравный, “на ангела не тянет”.

В его жизни всякое бывало, не всегда он ладил с законом и моралью. Довелось ему и в тюрьме посидеть. И общественное мнение не раз против себя восстанавливал. Предлагая вниманию читателей этот биографический очерк, я хочу не славословить и не осуждать, а просто, рассказать о незаурядной личности, оставившей заметный след в истории нашего города.

Точную дату рождения Евграфа Королева выяснить непросто. В старых газетах и архивных документах есть разные сведения об его возрасте. Например, в одном некрологе сообщалось; что он умер в 77 лет отроду, в другом - в 82 года. Пока можно установить лишь его год рождения - 1823-й (эта дата приводится и в недавно вышедшем краеведческом альманахе “Былое и новь”). А значит, в нынешнем году - 170-летний юбилей Е. Королева. Чем не повод для рассказа о его жизни и деятельности?

Родился он в Ростове Ярославской губернии, одном из древнейших русских городов, известном когда-то как Ростов Великий (в литературе иногда ошибочно указывают местом рождения Королева Ростов-на-Дону). Семья Королевых принадлежала к мещанскому сословию, больше о ней ничего неизвестно. Вероятно, глава семейства занимался каким-нибудь ремеслом или мелкой торговлей. Это давало некоторый доход и надежду со временем разбогатеть, завести более крупное дело. Самому Ивану Королеву, очевидно, не довелось пробиться “наверх”, к предпринимательскому успеху и богатству. Удачнее сложилась судьба его сыновей Евграфа и Всеволода.

Где-то в 40-ых годах братья Королевы почти без средств отправились попытать счастья в далекой Сибири, таившей немало возможностей для предприимчивых людей. Свое “первоначальное накопление” они начали в Томске в качестве приказчиков у местных торговцев. Евграф Иванович поступил

на службу к купцу В. Щекину. Многие сибирские предприниматели начинали свою карьеру приказчиками доверенными торговых фирм. Эта работа давала и практический опыт торгового дела, и возможность скопить некоторый капитал, иногда довольно значительный. Последнее достигалось, конечно, не только за счет сравнительно высокого жалованья, но нередко и путем обмана покупателей, а то и своих хозяев. В газетах того времени, например, писали о том, как “надули” своих хозяев на десятки и даже сотни тысяч рублей Н. Молчанов А. Текутьев и некоторые другие служащие, ставшие затем крупными предпринимателями. Но это вовсе не означает, что такими мошенниками были все приказчики и доверенные. Про Евграфа Королева ничего подобного не известно.

В Томске Е. Королев женился на богатой купчихе Евпроксии Ненашевой, которая была почти на десять лет старше его. Этот брак позволил ему оставить службу у Щекина и самому заняться торговлей. Один из дореволюционных авторов писал: «Ловкий, обладающий большой практической сметкой. Королев вскоре забрал в свои руки все капиталы Ненашевых». С этим нельзя полностью согласиться. Евграфу Королеву досталась лишь часть Ненашевского состояния. Его жена Евпраксия Семеновна, какое-то время сама занималась торговыми делами, а также не забывала о своих детях от первого брака. (В литературе можно прочитать, что супруги Ненашевы были бездетными, в действительности же они имели двух сыновей и дочь). Несомненно, значительная часть Ненашевских капиталов перешла к ним. По крайней мере, один из сыновей, С. Ненашев, стал предпринимателем, купцом второй гильдии.

Не стоит преувеличивать сам факт выгодной женитьбы Королева. Сколько было ловцов богатых невест и вдовушек, которые не приумножили полученных таким образом средств, а промотали их, а то и разорили своих “благодетельниц”. О Королеве этого не скажешь. Он сумел с пользой распорядиться “приданым”.

Предпринимательская деятельность Е. Королева началась в 1851 году, На первых порах это была торговля разными товарами в основном из Ненашевской лавки. Почти сразу же она стала дополняться ростовщичеством. Начинаящий коммерсант нашел выгодное дело-кредитование мелких золотопромышленников. Сибирь тогда переживала “золотую лихорадку”, и в добычу драгоценного металла устремилась масса сибиряков и жителей европейской России. С развитием золотопромышленности активизировалась и вся деловая жизнь края. Ведь для разработки приисков были необходимы капиталы и самые разнообразные товары. Евграф Королев кредитовал золотопромышленников на особых условиях: половину - деньгами, половину - товарами, причем, бывало, навязывал им и ненужное, какие-нибудь залежавшиеся в лавке кринолины и другие предметы дамского туалета.

Уже в 1852 году Е. Королев записался в купцы третьей гильдии, только не в Томске, а в Ростове. В 1860 - перешел во вторую купеческую гильдию, а в 1862 первую. До конца жизни, проживая в Томске, он числился ростовским купцом первой гильдии и “временно томским купцом” второй гильдии. Но эта формальность, не имела особого значения.

Масштабы торговых операций Евграфа Королева быстро росли. Постепенно определился основной профиль его торговли - чай и сахар. Он начал заниматься также извозным промыслом, т. е. доставкой грузов гужевым транспортом на огромные расстояния - от Москвы до Кяхты. Конечно, он уступал в этом деле своему тезке, “королю томских ямщиков” Евграфу Кухтерину, но входил в число крупных извозопромышленников.

В связи с этим нельзя не сказать об одной легенде. Народная молва утверждала, что известные томские купцы-извозопромышленники Кухтерин, Пуцников, Петров-Родионов, братья Королевы в молодости были бандитами - “чаерезами”, грабившими обозы на дорогах. Это нашло отражение и в историко-краеведческой литературе. Однако каких-либо документальных подтверждений тому до сих пор никем не найдено. Не исключая отдельных подобных случаев

обогащения, следует все же признать, что в основном это слухи, не соответствующие действительности. Вкладывал Е. Королев капитал и в промышленность. Прежде всего, не избежал он общей “золотомании”. Вместе с братом Всеволодом он разрабатывал несколько приисков, в Мариинском округе Томской губернии. С 1867 по 1882 г. там было добыто почти 98 пудов золота. На приисках задействовались до 300 рабочих. Предпринимательство Королевых в этой отрасли продолжалось и в дальнейшем, но уже менее результативно.

В 1870 году (по другим данным, в 1876-м) Е. Королев открыл стеклоделательный завод в 59 верстах от Томска, близ устья реки Томи. На нем выпускалось оконное стекло и бутылки разных размеров. В 1900 году его сумма производства (стоимость произведенной продукции) составила более 60 тысяч рублей. Прибыльным делом для Евграфа Ивановича стало винокуренное производство. В 1883 году вместе с Кольванским (впоследствии томским купцом П. Каймановичем) он учредил торговый дом “Ростовское товарищество” с капиталом 135 тысяч рублей. Эта фирма основала два винокуренных завода в Мариинском округе, оборудованных паровыми двигателями и маринами. Там же была построена паровая крупчаточная мельница. Работой этих предприятий руководил Королев, являющийся распорядителем “Ростовского товарищества” (в некоторых источниках он даже фигурирует как единоличный владелец винокуренных заводов и мельницы).

Почти одновременно Е. Королев начал добычу соли на арендованных землях в Алтайском горном округе. Промышленное предпринимательство расширило ассортимент его торговли, значительное место в ней заняли вино, стеклянные изделия и соль. По данным Томской казенной палаты, в 1889 году общий оборот его торговых заведений в Томске составил, 189 тысяч рублей.

Конечно, не во всех своих начинаниях Евграф Иванович добивался успеха. Неудачно окончилась например, его попытка занять ведущие позиции в речном транспорте

Западной Сибири. Он стал судовладельцем в 1883 году, получив пароходы двух своих должников (ростовщичество приносило не только проценты, но, и имущество несостоятельных должников). Кроме того, Королёв и сам приобрел несколько судов. Всего у него было шесть пароходов общей мощностью около 500 л. с., что составляло значительную часть западносибирского речного флота. Однако новоявленный пароходчик... зарвался: начал резко снижать фрахты на перевозку грузов с целью потеснить конкурентов, но сам понес большие убытки и в конце 1886 года вынужден был ликвидировать свое пароходное предприятие, продав суда тем же конкурентам.

Эта неудача не нанесла Е Королеву непоправимого ущерба. В целом его положение оставалось довольно прочным. Как и многие крупные предприниматели Сибири, он имел своеобразный хозяйственный комплекс, состоящий из предприятий разных отраслей. По научному - это называется диверсификацией капитала. Королев и другие купцы мудреных терминов не ведали, но здравым практическим умом, предпринимательским чутьем доходили, что надо гарантировать себя от капризов рыночной экономики: погоришь в одном деле, компенсируешь в другом.

После «пароходной осечки» Евграф Иванович, пожалуй, больше не пускался в рискованные затеи, стал еще осторожнее. Все больше предпочитал вкладывать капитал в ростовщичество, ссужать деньги, преимущественно под залог недвижимого имущества. Вследствие этого к нему перешло (от несостоятельных должников) более 30 домов и различных строений. Эти помещения сдавались им в наем под жилье, магазины, лавки и т. д. Братья Королевы принадлежали к числу крупнейших ростовщиков Сибири. По-разному можно относиться к этому занятию (в литературе оно оценивается весьма негативно), но нельзя забывать, что ростовщичество было объективно необходимо в силу недостаточного развития банковского кредита. Ростовщический капитал играл важную роль в экономике Сибири.

Разнообразная предпринимательская деятельность принесла Б. Королеву состояние, которое в газетах называли “громадным”, “колоссальным”. Оно оценивалось в несколько миллионов рублей (приводилась и конкретная цифра - четыре с лишним миллиона рублей).

Разумов, О.
Томский Вестник. 1993. 6 августа. С.6

Личность Е. Королева вызвала противоречивые мнения современников. Отношение к нему в Томске было скорее даже негативным. Во всяком случае, он не пользовался особыми симпатиями горожан. Людская молва нередко обвиняла его в алчности и скупости. Даже в одном из некрологов после смерти Евграфа Ивановича отмечалось, что в городе ходило «множество анекдотов» по поводу его скупости. Можно привести также весьма нелицеприятный отзыв о нем профессора В. Флоринского: «Человек крайне несимпатичный, завистливый и скупой».

Что и говорить, Е. Королев давал некоторую «пищу» для подобных толков. Как, например, - могли, относиться томиичи тому, что он сдавал в аренду ложу в собственном театре... своему брату за 150 рублей в год? И все же ярлык «скупого рыцаря» вряд ли подходит этому купцу. Наверное, правильнее говорить о его бережливости и расчетливости. Для Евграфа Королева был важен сам принцип делового подхода. Он умел ценить копейку, которая, как известно, «рубль бережет». А иначе, возможно, и не было бы его богатства. Не состоялся бы он и как крупный жертвовател на общественные нужды.

Благотворительная деятельность Королева объяснялась в литературе в основном его «честолюбием и корыстью». В принципе с этим отчасти можно согласиться. За свои пожертвования он получал известность, разные награды, звания и т. п. Только почему в литературе этому придавалась какая-то негативная окраска? Честолюбие двигало и движет множеством людей в самых различных сферах деятельности. К тому же, наверняка были у Евграфа Ивановича и другие

мотивы, скажем, потребность верующего человека в милосердии. А главное - для общества важнее сама благотворительность, а не ее мотивация.

В этом деле ярко проявился непростой характер Королева. Он не признавал «мелкой» благотворительности, почти не участвовал в массовых пожертвованиях (как тогда говорили, «по подписке»). Например, ни копейки не пожертвовал на строительство Томского университета. Предпочитал действовать один или с братом, чтобы королевская фамилия звучала не в общем хоре. И к благотворительности он относился как коммерсант - по-деловому, расчетливо, экономно. Когда к нему обратилась вдова купца Ярлыкова с просьбой достроить начатую ее мужем Преображенскую церковь, он согласился, но лишь на упрощенный вариант. В 1868 году строительство этого храма было завершено, за что Королев, затративший 40 тысяч рублей, вскоре получил свою первую «высочайшую» награду - орден Святой Анны третьей степени. Это не единственное «церковное» дело Евграфа Ивановича. Позднее на его средства (свыше 70 тысяч рублей) была реконструирована Никольская церковь.

В 1874 году братья Королевы основали детский приют для мальчиков (на углу Бульварной и Торговой улиц, сейчас это проспект Кирова и улица Вершинина). Евграф Иванович пожертвовал для него трехэтажный каменный дом с участком земли, а всего израсходовал на это заведение более 150 тыс. рублей. В приюте воспитывалось до 50 детей. За это Е. Королев был награжден орденом Святого Станислова Второй степени.

Примечательна история его следующей благотворительной акции. В начале 1883 года он заявил, что жертвует два дома, (каменный и деревянный) общей стоимостью в 35 тысяч рублей и еще 25 тысяч рублей для устройства ремесленного училища Евграфа и Евпраксии Королевых. Городская дума оказалась в затруднительном положении. Она еще в 1881 году приняла решение открыть в Томске ремесленное училище имени убиенного царя Александра II и изыскивала средства для этого. Как быть? Поручили нескольким гласным

переговорить с Королевым. Но купец настаивал на своем и в дополнение к уже объявленному пожертвованию «накинул» еще 30 тысяч рублей (всего, следовательно, получилось 90 тысяч рублей). Видимо, ему хотелось увековечить память о Евпраксии Семеновне, скончавшейся в 1882 году. Пришлось думе согласиться. А имя Александра II решили дать другому училищу.

Королевское ремесленное училище находилось на Почтамтской улице (проспект Ленина) и в течение ряда лет было единственным заведением подобного рода в нашем городе. В первое пятилетие оно содержалось исключительно на средства Евграфа Ивановича (на проценты с основного капитала в 33 тысяч рублей), а в дальнейшем к этому добавились еще ассигнования городского управления. Со временем количество учащихся в нем доходило до 100 человек. Основатель училища был удостоен звания почетного гражданина Томска и ордена Святого Владимира третьей степени.

В 1884 году Евграфу Королеву было присвоено звание коммерции советника, которым отмечались весьма немногие купцы. Для этого требовалось состоять в первой гильдии не менее 12 лет и иметь особые заслуги не только в области торговли и промышленности, но и в благотворительности.

Еще одним добрым делом Е. Королева и его брата стало пожертвование в 1890 году на устройство богадельни для престарелых мужчин. Евграф Иванович не пожалел для этого каменный дом стоимостью 50 тысяч рублей (на улице Жандармской, ныне - улица Гоголя), а Всеволод Иванович - 30 тысяч рублей. Они выдвинули ряд условий, среди которых были и такие: заведение должно называться «богадельней братьев В. и Е. Королевых», в нем должны висеть их портреты, после их смерти ежегодно отслуживаться панихиды и т. д. Тщеславны были братья... Но разве эта человеческая слабость умаляет их хороший поступок? Богадельня открылась летом 1892 года, в ней содержалось до 50 человек. Городские власти отметили это благодеяние Королевых тем, что в зале заседаний

думы поместили их портреты, а Всеволоду также присвоили звание почетного гражданина Томска.

Немало было и других, «мелких» пожертвований Евграфа Ивановича (например, в 1882 году - 1,5 тысячи рублей в пользу погорельцев, в 1883 году - две тысячи рублей в пользу начальных школ и т. д.). Важный вклад внес Королев в развитие в Томске театрального дела. В 1884-1885 гг. им был построен большой каменный театр (на Московском тракте, позади современного здания ТИАСУРа). Строительство обошлось ему в 150 тысяч рублей. Характерна предыстория этого дела. Первоначально строить театр собралась группа томских купцов, среди которых Королева не было. Узнав об этом, он обиделся и заявил, что один построит театр всего за два года. Слово свое сдержал. Интересно, что Евграф Иванович первые три сезона был и антрепренером своего театра.

Конечно, театр являлся его коммерческим предприятием, но не только. В нем нередко давались благотворительные спектакли и концерты. Например, в январе 1897 года состоялось два таких спектакля в пользу томских воскресных школ и дешевой столовой благотворительного общества.

Словом, богач Евграф Королев не забывал об общественных нуждах. И не только в Томске, но и на своей родине, в Ростове, где он также сделал ряд пожертвований.

Не избежал этот предприниматель и общественной деятельности. В его формулярном списке о службе перечислено немало занимаемых им с 1857 года должностей в Томске. По несколько лет он являлся церковным старостой, депутатом по поверке торговли, директором общественного Сибирского банка, директором «попечительного о тюрьмах комитета», почетным блюстителем Владимирского приходского училища и почетным попечителем губернской гимназии. Кстати, исполнение части этих обязанностей нередко также было связано с благотворительными расходами (на содержание церкви, тюрьмы, учебных заведений).

Особо следует отметить роль Е. Королева в городском самоуправлении. В течение ряда лет он был гласным городской думы, а в 1871-1873 гг. - еще и членом городской управы и

«заступающим место городского головы» (заместителем). Наконец, дважды - с 1876 по 1879 и с 1887 по 1890 - он занимал пост городского головы.

Не будем идеализировать героя этого очерка. Своенравный и упрямый, он не раз создавал вокруг себя напряженные, конфликтные ситуации. Так, в 1878 году Королев заявил о своей готовности достроить Троицкий кафедральный собор (строительство которого тянулось с 1845 года), но в упрощенном варианте с деревянным куполом. При этом он потребовал «полнейшей свободы и независимости» от чьего-либо вмешательства в его действия. Власти и общественность города не могли согласиться с этими условиями, и через два года Королев отказался от достройки собора. Его объяснения на сей счет, городская дума признала неубедительными. Через некоторое время он возобновил свое предложение и даже начал заготавливать строительные материалы. В начале 1882 года было закуплено до 900 тысяч штук кирпича, лес и т. д. Но уже в феврале этого года Королев вновь отказался от своего намерения, и опять выдвинутые им причины никого не убедили.

Заготовленные материалы были частично проданы комитету по постройке университета, причем строптивый купец, несмотря на уговоры, не уступил в цене: кирпич продал по 14 рублей за тысячу, тогда как комитет предлагал по 12 рублей. Разницу в цене и доставку кирпича к университетской стройке оплатил другой предприниматель, тогдашний городской голова З. Цибульский.

Крупный скандал вокруг Е. Королева разразился в конце 80-х годов в связи с его участием в «стачке» Томских винооторговцев. «Стачками» (от слова «стакнуться» - договориться) называли соглашения торговцев с целью повышения цен на свои товары: это была одна из ранних форм монополий. К таким соглашениям неоднократно прибегали предприниматели Томска и других сибирских городов, особенно винопромышленники и винооторговцы. А это запрещалось законом. В ноябре 1888 года Томский губернский суд за подобное деяние приговорил группу томских

винооторговцев к... тюремному заключению. Среди них оказался и городской голова Евграф Королев, отсидевший в тюрьме полтора месяца.

В связи с этим губернское по городским делам присутствие постановило отстранить Королева от высокой занимаемой должности. Группа гласных городской думы, (П. Макушин и другие), выступила с заявлением о том, что он не имеет, если не юридического, то морального права занимать этот пост. Однако дума в целом решила обжаловать постановление губернского присутствия в вышестоящих инстанциях. Обжаловал его и сам Королев. А его заместитель А. Толкачев обращался даже к царю Александру III. Дело длилось более года. В конечном итоге правительственный сенат отменил постановление губернской власти, указав, что данное преступление не влечет за собой лишения или ограничения прав состояния.

О своеволии Королева, игнорировании им закона и общественного мнения не раз писали газеты. Так, в мае 1900 года сообщалось, что он оштрафован на 100 рублей за антисанитарное состояние принадлежащих ему дворов. В следующем месяце писали о том, что городским управлением на него составлен протокол и возбуждено уголовное дело за перегораживание реки Ушайки забором возле принадлежавшего ему участка земли. Можно привести и другие примеры «мелких чудачеств» первого богача Томска.

Таким предстает Евграф Королев из исторических источников своего времени. Неординарная, самобытная личность, коммерсант-самородок, он сыграл видную роль в развитии предпринимательства в экономической, социальной и культурной жизни нашего города. Были в его биографии и не очень светлые моменты. Но разве они являются доминантой образа этого человека? Историческая память, прежде всего, должна запечатлеть его заслуги предпринимателя и благотворителя.

Евграф Иванович Королев скончался 25 августа (по старому стилю) 1900 года на своей даче близ Томска. Похоронили его на Вознесенском кладбище. Похороны были многочисленными.

«Вся профессия растянулась чуть не на версту» писала газета «Сибирский вестник». Королёвское состояние унаследовали его вторая жена Анна Константиновна и, тогда еще несовершеннолетний, сын Николай. В одной из газет упоминалась еще и дочь Валентина. Анна Королева продолжала некоторые предприятия мужа. Как сложилась судьба наследников Евграфа Ивановича после 1917 года, мне неизвестно. Может, кто из читателей знает?

Стерты с лица земли Вознесенское кладбище и могила Е. Королева, мало что сохранилось из построенных им зданий. Хочется верить, что останется хотя бы память о купце-благотворителе, а его пример и опыт будут небесполезны новому поколению наших предпринимателей.

Разумов, О.

Томский вестник. 1993. 13 августа. С.7

ТОМСКИЕ КРЮГЕРЫ

В истории старого Томска известны два Крюгера. В 1876 году германский подданный пивовар Карл Крюгер обратился в Томскую городскую управу с просьбой об аренде на 10 лет участка земли в Юрточной части города для устройства пивоваренного завода. В этом не было ничего необычного: германские предприниматели и специалисты сыграли важную роль в развитии пивоваренной промышленности в России. Да и в Томске в разных отраслях экономики появлялись предприятия, основанные иностранцами.

В том же 1876-м Карл Крюгер открыл пивоваренный завод, который находился в северной части современной Университетской рощи. Может быть, именно этот год и следует считать датой основания томского пивзавода? А не 1884-й, фигурирующий сейчас на этикетках томского пива. Кстати, сомнительна и монограмма "РК" (Роберт Крюгер) на тех же этикетках. Видимо, ее надо заменить на "КК", поскольку основателем завода, бесспорно, был Карл Крюгер, а

не его однофамилец Роберт, появившийся в Томске позднее (о нем речь впереди).

В связи с началом строительства первого в Сибири университета К. Крюгер оказался перед дилеммой: перенести завод в другое место или вовсе прекратить дело. Уже в 1881-м он давал объявление о продаже и этого предприятия, и своего дома на Магистратской улице. Видимо, собирался покинуть наш город. Но покупателей не нашлось, и в 1884 году завод был все же перенесен на Московский тракт, очевидно, на то самое место, которое он занимает и по сей день. Вот эта дата - как видим, не бесспорная - и принята за точку отсчета в истории пивного дела в Томске. О заводе того времени известно немного. Есть данные, что в 1887-м при трех рабочих на нем было произведено 9 тысяч ведер пива на 10,8 тысячи рублей.

В начале 90-х годов Карл Крюгер сдал завод в аренду, а в 1895-м совсем продал своему соотечественнику и однофамильцу Роберту Крюгеру.

О новом владельце пивзавода известно больше, чем о его основателе. Роберт Крюгер родился в 1855 году в Губене. Имел квалификацию пивовара. В 1886-м приехал в Россию, в следующем году ходатайствовал о принятии его в русское подданство, но безуспешно. В 1891 году повторил свое ходатайство, и на этот раз оно было удовлетворено.

Р. Крюгер реконструировал приобретенный завод, превратив его в сравнительно крупное предприятие фабричного типа с производительностью до 50 и более тысяч ведер пива в год. Например, в 1909 году он имел паровой двигатель в 30 лошадиных сил, 48 рабочих и выпустил продукции на 160,5 тысячи рублей. Производились разные сорта пива: баварское, венское, пильзенское и другие. Завод Крюгера действовал вплоть до революции 1917-го. Что стало с ним дальше и как сложилась судьба его владельца, еще нужно выяснять.

В Томске были и другие Крюгеры. Так, в 1888-м живший здесь германский подданный Максим Крюгер вместе с дворянином В.Островским ходатайствовал о разрешении

открыть завод по производству искусственных минеральных вод и прохладительных фруктовых напитков. Такое разрешение им было дано. (Судя по отчеству (Карлович), М. Крюгер был сыном основателя пивзавода.)

Разумов, О. Томский вестник. 1996. 28 июня. С. 10

ЕВГРАФ КУХТЕРИН И ЕГО СЫНОВЬЯ

В многочисленных слухах, историях и легендах о томских купцах нет фамилии более популярной, чем Кухтерин. Как нет более уважительной и одновременно более скандальной во всем купеческом прошлом нашего губернского города. А дело в том, что было у купца Евграфа Кухтерина четыре сына. Люди очень разные. Но обобщила молва всех в один образ, слепила одного скандального человека, и остался он в памяти лишь отъявленным пьяницей.

В томских архивах нет никаких документов о семье Кухтериных. Упоминается их фамилия лишь в протоколах заседаний городской думы, когда выносились решения об отводе земельных участков под строительство кухтеринских домов и производств. Но в бумагах только официальные формулировки и цифры. Старожилов, помнящих купцов, тоже не осталось. Мне приходилось собирать сведения по крупицам, но были они сумбурны, противоречивы.

В день рождения Томска центральное телевидение показало короткий сюжет о нашем городе, и через день у меня раздался телефонный звонок: - Вы рассказывали о Томске, а я — старый томич. Коренной. Уехал отсюда в двадцатых годах. И сейчас приехал специально встретиться с родным городом. Мне уже восемьдесят лет, живу в Новосибирске. Увидел по телевизору томскую старину — не выдержал. Может быть, могу быть вам чем-нибудь полезен?

Звонил из гостиницы «Томск» Василий Андреевич Крылов.

- До революции самой знаменитой гостиницей в городе была «Россия», — показывал он потом трехэтажное кирпичное

здание, где сейчас на пересечении улицы Советской и проспекта Фрунзе расположился облвоенкомат, — построил эту гостиницу, когда началась прокладка Великого сибирского парового пути, Иван Гаврилович Горланов. Роскошные номера, бильярдная, ресторан, оркестр, телефоны, электричество от собственной электростанции. И купцы, приезжавшие со своей губернии, были такими выгодными клиентами, что швейцары, официанты зарплату не получали. Даже сами платили содержателю гостиницы деньги. И немалые.

После смерти Горланова владеть гостиницей стала артель из ее служащих, но ничего не получилось. И перешла «Россия» в собственность моего отца—Андрея Николаевича, бывшего здесь управляющим. С Кухтериными мы дружили семьями.

Старик Евграф, начинавший обыкновенным ломовым извозчиком, вместе с огромной физической силой обладал незаурядной мужицкой сметкой и хитростью. Наверное, не без основания ходили слухи, что не брезговал Евграф и разбоем. Дороги сибирского извоза дальние: тысячи верст до Москвы, Иркутска... Тут уже при встрече — кто кого? И удаче всегда была на стороне Кухтерина.

А вот из сыновей Евграфу повезло только со старшим — Александром. Купаясь в Белом озере, мальчишкой утонул Алексей. Всю жизнь под присмотром профессора Еланского был христовенький, слабоумный Владимир. Зато скандальная слава четвертого сына - Иннокентия ходила никогда не стихавшими волнами по всему городу.

Приезжает Кеша в рессорной пролетке на сенной базар, узнает, сколько мужики просят за воз. Добавляет им сверх этого и велит всем следовать за его пролеткой. Вытягивается по городу обоз в сотню телег, ведет его купец мимо Каштана в гору к городскому кладбищу. На пустыре останавливается и велит собирать все сено в один стог.

Мужики возы перевертывают, сгребают сено в кучу. Иннокентий тут же ругается, хлещет возчиков по спинам лакированным гибким стеклом:

—Как пласт укладываешь? Причесывай макушку, чтобы ни одна дождевка внутрь не попала!

Ну, ладно. Сделали стог мужики. Постарались. Аж блестят от аккуратности. Иннокентий обошел кругом, осмотрел. Кое-где еще велел поправить и говорит:

— А теперь делайте факелы и сразу поджигайте со всех сторон.

У мужиков от удивления рожи деформированы, как выпавшее из кадушки тесто:

- Зачем? Ведь добро—то какое!

- Поджигай! — командует Иннокентий. И ведь трезвый, после бритья одеколоном благоухает, хромовые сапоги блестят, как зеркало.

Поджигают мужики сено, а купец опять ругается. Учит:

- Ты видишь, что совсем нет тяги? Вороши вилами-то! Огонь плясать должен!

А огонь уже на пол неба. Лошади, сцепившись телегами, от страха оглобли ломают, построжки рвут. Дым во всех концах города виден. Пожарный с каланчи на Воскресенской горе кубарем скатился, тревогу объявил. Спалил Иннокентий сто возов сена, сел в пролетку и укатил. Зато на следующий день газета «Сибирская жизнь» напечатала заметку с таким заключением: «Кухтерин И. Е. сделал почесть крестьянам, расплатившись двойной ценой».

Лишил жизни Иннокентия армейский офицер-приятель.

В пьяном виде ехали они на извозчике мимо «Гранд-отеля», известного в Томске своими танцовщицами кабаре. И пошутил офицер насчет шансонетки — любовницы Иннокентия. А был у купца от нее маленький сын, отправленный позднее на воспитание в Петербург. Иннокентий кинулся душить офицера, пролетка перевернулась. Спасаясь, офицер выхватил пистолет и нажал курок.

Губернский Томск, сосредоточивший в прошлом веке основную массу сибирской торговой, в масштабах страны вспоминался лишь университетом да спичечной фабрикой. Нужно было обладать даром незаурядного экономического предвидения, чтобы создать это производство, не имея никаких традиционных предпосылок. Но сразу же этикетки кухтеринской спичечной фабрики «Заря» стали визитной

карточкой Томска по всей России. Строил фабрику и занимался ею старший сын Евграфа — Александр.

— Это был очень прогрессивный человек, — рассказывает Василий Андреевич Крылов. — У него все время отдавалось делу. Кухтеринское хозяйство сложное. Громадная мельница с элеватором на берегу Томи. Многочисленные стройки в Томске, торговые отделения по городам Сибири. Извозный промысел для Кухтериных был только началом их становления. Потом они его забросили, началась большая коммерция. И держалась она только на Александре.

В романе «Угрюм-река» писатель Вячеслав Шишков, прекрасно знавший томское купечество, приводит эпизод с Прохором Громовым, который диктует телеграмму: «Томск. Кухтерину. Копия — отделению Громова. Выслать твердый счет: муки ржаной 45.000 пудов, крупчатки — 10.000 пудов».

Многими прекрасными зданиями обязан Томск Кухтериным. Умер Александр в 1920 году, отпевали его в Воскресенской церкви, на дворе которой в специальной звоннице был самый большой томский колокол. По кромке его опоясывала надпись: «1005 пудов, 30 фунтов». Язык колокола весил 60 пудов. Звук был густой, низкий и продолжительный, достигавший деревень за Томью. Но появление первого звука стоило большого труда.

— Все знали, — вспоминает Василий Андреевич — что до того, как язык коснется стенок колокола, его надо шестьдесят раз качнуть туда и обратно. Такая громадная масса. Во время панихиды большой колокол всегда молчал. Но на похоронах Александра Кухтерина было так много народа и так хотелось всем выразить ему уважение, что мельничные грузчики привязали к языку колокола дополнительные веревки. Траурный звон особенный. После удара звук должен сам погаснуть, а уж потом — новый удар. Раскачивали грузчики шестидесятипудовый язык колокола, ударили и уперлись ногами в землю, чтобы второго удара не было. Толстые пеньковые веревки, как струны. Подошвы ног плугами в землю врезаются. Жилы на шеях вот — вот лопнут. Шутка ли,

шестьдесят пудов с маху удержать? Удержали. И снова раскачивают.

Хоронили Александра в церкви спичечной фабрики. Процессия растянулось на десяток верст. И, наверное, не из-за купеческого богатства, тем более что в 1920 году у Александра Кухтерина его уже не было.

Года два спустя, приехал в Томск единственный продолжатель рода, воспитывавшийся в Петербурге, незаконнорожденный сын Иннокентия Алексей. Был он в красноармейской гимнастерке, красных штанах-галифе. На кожаной портупее — наган и шашка. Жил на квартире Крыловых. На работу и с работы возили его в пролетке. Василий Андреевич предполагает, что занимал молодой человек командирскую должность, много лет спустя, возглавлял Алексей Кухтерин новосибирский «Гужавтотрест» — невероятное сочетание извозчиков и автомобилей. Одна из составных частей этого гибрида, наверное, напоминала ему о прошлом деда Евграфа. И, конечно, не только ему. Стало известно, что Алексея исключили из партии. А потом уже ничего о нем неизвестно.

Стойлов, Э.

Красное знамя. 1990. 27-28 октября. С. 12

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ МИХАЙЛОВ

В старые времена держава и общество охотно поощряли филантропов-жертвователей, награждая их всевозможными орденами и званиями. Имена их получили основанные ими учреждения. В Томске —

бактериологический институт Ивана и Зинаиды Чуриных (ныне вакцин и сывороток), больница Ивана Некрасова (роддом № 2), Дом науки Петра Макрушина. Не последнее место среди томских благотворителей-меценатов занимал и Петр Васильевич Михайлов.

Дата его рождения точно не установлена. В январе 1906 года, согласно формулярному списку о службе, было ему «74 года от роду». Родился в семье вологодского мещанина, образование получил в уездном училище.

Совсем юным отправился Петр Михайлов в Сибирь, получив от отца кое-какой товар на продажу, и выказал недюжинные коммерческие способности. Через несколько лет службы в томской фирме С. П. Петрова вологодский предприниматель вошел в нее компаньоном, а затем стал и главным распорядителем торгового дома «Петров и Михайлов». Позже, в начале нынешнего века, в Томске возник новый торговый дом — «Михайлов и Малышев».

Главное дело его составляла торговля мануфактурой — текстилем, одеждой. Торговал он также чаем и сахаром. Вкладывал средства в недвижимость, имея дома, склады и лавки не только в Томске, но и в Усть-Каменогорске, Верном (ныне Алма-Ата), на Ирбитской ярмарке, в Подмосковье.

Одним из первых среди томских торговцев Михайлов обзавелся промышленным предприятием, открыв в 1882 году совместно с З. М. Цибульским кирпичный завод специально для снабжения университетской стройки. О качестве Михайловского кирпича можно судить по главному корпусу университета, да и по другим зданиям

Возглавляя крупное торгово-промышленное дело, Петр Васильевич выполнял и разного рода общественные обязанности: 35 лет, пробыл старостой Богоявленской церкви, более четверти века служил почетным блюстителем духовной семинарии и одновременно несколько лет — почетным блюстителем реального училища.

Дважды (1883—1887 и 1891—1893 г.г.) Михайлов избирался городским головой, возглавлял Томскую Думу и управу. В бытность его городским головой в Томске открылась

первая в Сибири бесплатная амбулатория для бедных больных, начались хлопоты о строительстве, городской электростанции, сооружении железной ветки Томск—Тайга. Он первым обратил внимание гласных Думы на необходимость устройства в городе водопровода и мощения улиц.

В 1884 году Михайлов возглавил комитет по восстановлению рухнувшего более 30 лет назад кафедрального собора. И почти 17 лет организовывал его работу, пожертвовал на возведение храма более 2 миллионов штук кирпича.

Самый крупный его вклад на нужды города — 100 тысяч рублей и участок земли стоимостью в 20 тысяч, завещанные им в 1906 году на постройку детской больницы. Строить ее, однако, начали лишь 9 лет спустя и к концу 16-го года завершили основные работы. Но в годы революции и гражданской войны детская лечебница имени Петра и Алевтины Михайловых была отдана под солдатские казармы. Позже там сменяли друг друга различные советские учреждения. И только в 31-м году в здании разместилось наконец лечебное заведение (ныне поликлиника № 1 по пр. Ленина, 51).

Михайлов участвовал во всех филантропических начинаниях томской городской общественности. Учредили в 1882 году Общество попечения о начальном образовании – он в числе его почетных членов выступил с самым крупным взносом в 115 рублей. Основали в 1887 году Музей прикладных знаний — помог кирпичом (теперь это трехэтажная пристройка к кинотеатру «Сибирские огни»). Задумали открыть в Томске музыкальные классы — и тут Михайлов кинулся помогать, внес на их устройство тысячу рублей.

Власти ценили усердие купца Михайлова. Имел он 6 орденов Анны, Станислава, Владимира разных, степеней, знак Всероссийского общества Красного Креста. А в 1902 году в зале Томской городской Думы (ныне кинотеатр «Пионер») был вывешен его портрет с надписью «За пожертвования и личные труды по постройке нового собора».

И все же отношения Михайлова с томским обществом складывались непросто. Нередко из-за неприятия интеллигенцией «толстосумов». Тем более купец Михайлов стремился по возможности не упускать своей выгоды. Так, готовясь к приезду в Томск наследника престола, будущего российского императора Николая II, летом 1891 года, он настоял, как городской голова, на выделении из думской кассы 30 тысяч рублей — на подготовку и проведение встречи. А затем все заказы разместил в своих же магазинах.

На многочисленные пожертвования во многом его подвигало непомерное честолюбие. Зачастую это настраивало людей против него. Не случайно В. М. Флоринский, устроитель Томского университета, дал Михайлову весьма нелестную характеристику: «Большой красобай и церковник, любит говорить о своих заслугах по части украшения церквей, но доверия к себе не внушает».

Самым обидным стало для Петра Васильевича не избрание его старостой Троицкого кафедрального собора, восстановлению которого он отдал столько сил. Почет и уважение, которых столь жаждал он в жизни, в полной мере оказаны были ему после смерти (умер он в ноябре 1906 года в Москве, где жил в последние годы). Прах его был перевезен в Томск и погребен в ограде Троицкого собора. События последующих бурных лет смели и место погребения, и сам собор. Уничтожили, казалось, саму память о них! Но приходит сегодня понимание преемственности развития, разумного использования опыта предшественников. Тех, кто умел организовать дело, скопить капитал и распорядиться им на пользу общества. К таким людям относится и Михайлов.

**Дмитриенко, Н.
ТМ-экспресс.1991. 24 мая. С.7**

Михайловская роща

В начале века она была на самой окраине старинного Томска, оканчивавшегося воинскими казармами, именовавшимися Северным городком. И действительно,

кирпичные двухэтажные солидные здания теснились здесь в таком количестве, которого и не на всякой центральной томской улице набиралось. Для солдатских учений этот губернский гарнизонный городок располагал огромными пустырями, а роща, примыкавшая к нему со стороны Ушайки, являлась частным владением купца М. П. Михайлова. И была она необыкновенно красива близостью к речке, отражавшей белоствольный частокол берез, и необычным всхолмленным ландшафтом, чередовавшим солнечные полянки и темные аллеи.

Сейчас от рощи той поры осталось лишь несколько старых поседевших елей, да шеренга берез. Тополиная и кленовая поросль заполнила места вырубок.

- А я помню рощу предвоенной, изумительно чистой, с дорожками, всегда аккуратно подметенными, ухоженными, - рассказывает Любовь Матвеевна Криницына, детство которой пришлось на этот район. В девятнадцать лет, окончив фельдшерский техникум, в сорок первом году ушла она на фронт, после войны много лет работала в сельской больнице. И сейчас в пору осмысления пережитого, защемило ее сердце от светлых воспоминаний.

- Дача Михайлова, стоявшая в роще, удивляла неповторимым единением с окружающей природой, - говорит Любовь Матвеевна.

- Деревянный дом с мансардой, террасой, колоннами и балконом был украшен такой витиеватой резьбой, что казался завернутым в изящные кружева. Во дворе фонтан и аккуратнейшие кусты сирени. Все обнесено дощатым заплотом с большими воротами. А вокруг усадьбы – сплошные березы, будто сверкающий белый шелковый полог, на фоне которого дача смотрится сказочным теремом. И, что характерно, по всей Михайловской роще были расставлены вдоль тропинок живописные резные деревянные скамейки. Могли здесь отдыхать все.

Купец М. П. Михайлов в старинных справочниках значится со словами «чай, сахар, мануфактура», которые определяют его коммерческую специализацию, гарантировавшую ему равное

положение с самыми богатыми томскими купцами. Была на деньги Михайлова построена здесь и деревянная церковь, сгоревшая уже в наши, пятидесятые годы. Дача, использовавшаяся перед войной под пионерский лагерь только в летнее время, в годы войны оказалась разрушенной. Теперь не осталось от нее и следа, потому что заполнили все пространство новые деревья, за пол века выросшие на месте прежних.

В первую же военную осень разместился в казармах Северного городка эвакуированный в Томск подшипниковый завод. И михайловские березы из-за прочности стволов годились на перекрытия, делали из них фундаменты под тяжелые станки. А ветки, стружки, обрубки сгорали в железных печках, отапливавших холодные кирпичные корпуса. Весной под картофельные посадки были оголены все поляны. Пойма Ушайки спасла заводские семьи от голода. Потому и заросла роща заново как-то сумбурно, заполонив свое пространство кленами да тополями, поскольку уж очень вездесущи, живучи и не прихотливы эти породы.

Есть у рощи давным-давно забытый статус «городской лес», установленный в России Высочайшим Указом еще в 1832 году. В нем сказано: «Городские леса, которые остались в ведении лесного управления, то есть произрастающие на выгонах, передать городам и заведование ими возложить на Городские Думы». При этом предписано: «Хранить оные в запас, на будущее время, пользуясь из сих лесов одним валежником; рубка же на корне стоящих деревьев дозволена в случае крайней необходимости и разрешения начальников губерний».

Вот давайте и соотнесем прежние, полуторавековой давности, строгости с днем сегодняшним. Неужели тогда на Руси было так мало лесов, что срубить дерево разрешалось только самым высоким начальством? Есть еще более давний документ.

Это Указ императора Павла I, подписанный им в 1798 году, в котором Высочайшее повелевается, чтобы казенного леса, не отпускать для частных надобностей. Причем лесопильные

заводы обязывались приобретать лес из частновладельческих дач, и заграничный отпуск бревен и досок из Петербургского и Архангельского портов был воспрещен. А дальше по этому указу предписывались деяния, удивительные для нашего времени. «Сенату повелено доставлять в Коллегию полные сведения и планы обо всех местах, где могут быть сделаны посевы лесов, а Коллегии временно в обязанность заводить рощи, и когда посевы и посадки будут сделаны, доносить подробно Императору».

Вот так! А нам памятная власть оголила от лесов всю страну. А на всех окраинах нашего Томска любой, желающий построить гараж, сейчас не раздумывая, валит все мешающие ему сосны и березы.

Михайловская роща, принявшая новый облик, сохранившая бьющий из-под земли родник, замусоренная железом, все равно хороша. Она – памятник природы, самовозрождающийся и очень нужный городу. О других городских лесах – в следующих номерах газеты.

Стойлов, Э.

Красное знамя. 1994 год. 1 октября. С. 2

СЕМЕЙНОЕ ДЕРЕВО НЕКРАСОВЫХ

В семье потомственного томского купца Александра Некрасова (здесь жили его дед Иван Александрович, отец Максим Иванович, дядя Лука, Егор и Василий, а также брат Иван) и жены его Екатерины родилось одиннадцать детей. Четверо умерли маленькими, семеро выжили, чтобы в одночасье осиротеть: отец их погиб на пожаре 5 сентября 1902-го. Однако всех семерых мать вырастила, всем дала хорошее образование.

Старший из детей Иван (он родился в 1890 году), окончив Томскую мужскую гимназию, учился сначала на медицинском

факультете местного университета, а через два года уехал в Петербург и поступил там на юридический. Впоследствии, став адвокатом, жил опять в Томске, был доверенным матери в делах, активно участвовал в политической жизни.

В марте 1917-го, когда состоялось организационное собрание томского отделения конституционно-демократической партии, Иван Александрович Некрасов был избран в его бюро, работал в качестве секретаря, представлял томский отделена всероссийском съезде партии.

Знания и энергия Ивана Некрасова пригодились и советской власти. В шестидесятых годах он работал в аппарате А. Косыгина и был не на последнем счету у председателя Совета Министров. Старший сын И. Некрасова Александр, умный и красивый, химик по специальности, добровольцем ушел на фронт и погиб в 1943-м. Дочь Яна преподавала испанский язык в институте международных отношений.

Второй по старшинству брат, Модест (он родился в 1895-м), окончил Первый сибирский политехникум (бывшее коммерческое училище) и работал по полученной специальности землемера в Ташкенте. Его дочь Валентина, сейчас, уже пенсионерка, живет там же вместе со взрослыми, имеющими свои семьи детьми - Дмитрием и Ларисой.

Николай, двумя годами младше Модеста, погиб еще на первой мировой, а сестра его Клавдия стала медиком и вместе с мужем уехала во Владивосток. Другая сестра - Елизавета - до

самой своей смерти жила в Новосибирске, где и теперь живут ее дети - Борис и Елена.

И тут наступил черед рассказать о самой младшей дочке Некрасовых - Зине. Единственная из детей Некрасовых, она до сих пор жива, отпраздновав в прошедшем сентябре 94-й(!) день рождения.

Зинаида Некрасова окончила гимназию Миркович и в 1919-м стала студенткой естественного отделения физматфакультета ТГУ. Там-то она и подружилась с двумя любительницами ботаники - Марией Извековой (с ней она училась еще в гимназии) и Марией Куминовой, впоследствии женой профессора В. Ревердатто.

С 1923-го, окончив Томский университет, Зинаида преподавала в школе биологию и химию, работала в Боготоле, Хабаровске, Владивостоке и наконец поселилась в Уссурийске. Пользовалась уважением, недаром ее наградили сначала двумя значками "Сталинский ударник" (до войны такие значки ценились не меньше ордена), позже - орденами "Знак Почета" и Трудового Красного Знамени. А недавно Зинаиде Александровной вручили медаль "50 лет победы над Германией".

Дмитриенко, Н.
Томский вестник .1996. 28 июня. С.12

Больница Некрасова

В июле 1902 года почетный потомственный гражданин, томский предприниматель Иван Некрасов обратился в городскую думу с весьма интересным предложением.

В только что выстроенном им каменном двухэтажном здании на Миллионной улице он предлагал разместить городскую больницу. К этому прилагал еще 8 тысяч рублей на оборудование и содержание. Ставил он лишь одно условие – дать больнице имя Некрасова.

Члены городской управы вместе с санитарным врачом съездили осмотреть здание. Оно стояло как раз на русле когда-то протекавшей там речке Каркас, к тому времени уже засыпанном. Эксперты нашли, что здание вполне пригодно для лечебного учреждения, и город принял дар Некрасова, на поставленных им условиях.

Иван Максимович Некрасов, уроженец Томска происходил из купеческой семьи, и сам уже 17 лет занимался предпринимательством. Он имел кирпичный завод и магазин

скобяных, москательных и железных товаров, основанный еще в 1873 году. Как и многие другие томские купцы, Некрасов имел немало общественных должностей, избирался гласным городской думы, а позже и городской головой.

Торжественное открытие больницы имени Некрасова состоялось 8 декабря второго года века. В 12 часов дня молебствие в присутствии высших чинов губернского управления во главе с губернатором князем Вяземским и вице-губернатором бароном Дельвигом. В торжестве участвовали, конечно, и гласные думы во главе с головой Карнаковым.

Все завершилось роскошным обедом в доме жертвователя.

Некрасовская больница действовала вначале в составе трех отделений – мужского и женского по внутренним болезням и акушерско-гинекологического. Имелось 5 коек, а, кроме того, амбулатория. Больных лечили 2 врача и 11 человек обслуживающего персонала. В больницу обращались жители в основном окраинных районов города - Песков и Заозерья, но не все могли получить здесь помощь: не хватало помещений.

Став в шестом году городским головой, Иван Некрасов озаботился и расширением больницы. Вскоре он заявил, обращаясь к гласным; «Я в настоящее время спешу с отделкой пристроенного мною в 1906 году второго здания для больницы, в котором будет три палаты и операционный кабинет. Но этого недостаточно. Думою решено построить трехэтажное здание... Я усматриваю, что нужно построить несколько больших размеров. Кирпич я отпускаю бесплатно на все здание.... И я должен выполнить христианский долг – построить каменную часовню во дворе больницы».

Городская дума благодарила своего голову за новое пожертвование в пользу горожан и постановила, в ответ на просьбу Некрасова, начать мощение Миллионной улицы вблизи больницы, так как из-за непролазной грязи извозчики отказывались возить больных. Одновременно было принято решение о прокладке к больнице линии электроосвещения, а также увеличении лечебного персонала на одного врача и четырех фельдшеров.

Второй корпус больницы Некрасова был открыт 20

сентября девятого года. Тогда же во дворе лечебницы появилось небольшое шестигранное здание часовни. Предположительно автором проекта этих сооружений является архитектор Федоровский.

В зданиях Некрасовской больницы ныне располагается второй роддом (Ленина, 149). Конечно, они перестроены и модернизированы и, к сожалению, давно утратили свое наименование. В начале 80-х, когда строился новый корпус и расширялся внутренний двор, разрушили бывшую часовню. В последнее время в ее помещении работала прачечная. На место сломанной часовни положили асфальт. И он надежно скрыл остатки фундамента. Но, как известно, и через асфальт трава прорастает.

**Масленников, В.
Томский вестник. 1992. 29 февраля. С.3**

ФЕДОР ХАРЛАМПИЕВИЧ ПУШНИКОВ

Среди томского купечества конца прошлого столетия Федор Харлампович Пушкиков занимал далеко не последнее место, славился как щедрый жертвователь на нужды города. В нынешнем году исполняется 165 лет со дня его рождения, не грех, поэтому вспомнить о нем добрым словом.

Как и многие другие представители деловых кругов того времени, Пушкиков происходил из так называемых податных сословий, в томское купечество он перечислился в 1862 году из крестьян. Начиная, по-видимому, как извозчик, со временем открыл контору транспортирования кладей, да и сам торговал тем, что в основном перевозил по необъятным просторам, - чаем и сахаром. Не избегал и другого, весьма прибыльного в те времена дела, - вкладывал капиталы в золотопромышленность, получая солидные прибыли. Не случайно довольно скоро перешел из второй в первую купеческую гильдию, а затем стал потомственным почетным гражданином. По правилам, введенным еще при Николае I, в это сословие, во многом приравненное к привилегированному дворянскому, могли

вступать лишь те купцы, которые без перерыва ежегодно выкупали довольно дорогие купеческие свидетельства 1-й или 2-й гильдии. Всю свою жизнь Пушкиков отличался необыкновенной предприимчивостью: уже на склоне своих лет, в 1895 году, он вступил вкладчиком в товарищество - на вере "Технико-промышленное бюро и К⁰". Вместе с братьями Кухтериными и некоторыми другими томскими купцами он и составлял эту самую "К⁰", ему принадлежало 52 из 520 паев, выпущенных товариществом. А на собранные таким образом средства была выстроена и эксплуатировалась одна из первых в Сибири электростанция, которая обеспечивала энергией весь город.

Жившая, отзывчивая натура Пушкикова сказывалась и в его общественной деятельности. Он неоднократно избирался гласным Томской городской думы, входил в попечительство местного Алексеевского овалного училища и городской Воскресенской начальной школы, был директором Сибирского общественного банка имени Поповых. За материальное содействие русской армии во время последней русско-турецкой войны 1877-1878 годов Пушкиков был удостоен первой правительственной награды - знака Красного Креста, а позже - ордена Святой Анны 3-й степени.

Помогал Пушкиков и в городских делах. В 1887 году он подарил большую усадьбу с двумя домами на ней Томскому благотворительному обществу с тем, чтобы в них открылась богадельня для бездомных престарелых, названная Покровской. Шесть лет спустя, купец учредил сиропитальный дом в специально выстроенном двухэтажном здании, обеспечил новое заведение капиталом в 50 тысяч рублей. На проценты с этой суммы можно было содержать не менее 25 детей-сирот и обслуживающий персонал. Этот детский приют называли в народе Пушкиковским, хотя официально он именовался Мариинским. Перед самой своей смертью 1 января 1898 года купец учредил новый торговый дом «Ф.Х. Пушкиков и К⁰», а через десять дней учредителя не стало. Компаньоны - Н.И.Орлова и В.П.Усачев - унаследовали все имущество умершего. Они же выполнили и последнюю волю покойного:

он завещал двухэтажный дом в центре Томска (ныне в нем кинотеатр "Аэлита") в пользу городского самоуправления. Так, чтобы в верхнем этаже разместить Городскую думу и ее исполнительный орган - управу (до этого они арендовали помещение в здании Мещанской управы), а нижний этаж сдавать в аренду под торговые заведения. Доходы же от такой сдачи направлять на благотворительные цели.

Дмитриенко, Н.

Томский вестник. 1995. 7 октября. С. 4

СТЕПАН СОСУЛИН

Здесь Ушайка упирается в подводный каменный кряж, тянущийся от высокого мыса, поросшего соснами, загородившего горизонт живописно, навсегда и уместно. Этот мыс как бы рассекает городскую и сельскую поймы реки, оставляя в одной части прибрежную пыль, суету мостов и сохраняя в другой перелески, поля и обступившие воду сплошные кустарники, где по весне всегда неумолкаемое многоголосье птиц. Район этот изначально зовется Степановкой в память о купце Степане Егоровиче Сосулине,

приглядевшем в прошлом веке эту красоту под свою дачу.

- Я помню еще в тридцатые годы (это же сколько после купца лет прошло!), - вспоминает Анастасия Дмитриевна Чернецкая, - сохранялись возле главного дома старинные цветники, были две аккуратные аллеи в прибрежном сосняке. Место было ухоженное, действительно дачное.

Томичи-старожилы, еще в пятидесятые годы, когда особой популярностью в городе пользовался велосипед, совершали на Степановку воскресные прогулки, дивились на старинный дом, увенчанный живописным бельведером, напоминавшим

привычные Томичам садовые беседки. Они стояли во многих дворах, увитые густыми побегами хмеля. А тут - на крыше, тут великолепный обзор, воздух, напоенный сосновым ароматом, благодать и радость.

Сейчас о прежнем достоинстве дома, ободранного, покосившегося и разваливающегося, напоминает внутренняя лестница. Она роскошная. По размерам широких ступеней ведущих на второй этаж. По квадрату большого потолка, увенчанного в центре резным плафоном, сохранившимся по причине высотной недоступности. Лестница эта, ограниченная вверху овальными перилами, наверное, должна была демонстрировать гостям размах натуры хозяина. Сейчас простор лестницы заполнен сколоченными из досок, фанеры и горбыля разнокалиберными клетушками, именуемыми кладовками. Да и вся окрестность вокруг бывшей дачи Сосулина застроена какими-то избушками, насыпушками, всем тем, что выросло в окрестностях города в послевоенные годы и во все времена называлось Нахаловкой.

- Старинная дача и многочисленные постройки были выполнены по проекту жившего тогда в Томске декабриста Гавриила Степановича Батенькова, - рассказывает искусствовед института «Сибспецпроектреставрация» Ольга Владимировна Богданова. - И, конечно же, весь этот дачный комплекс, великолепно вписанный в окружающий ландшафт, представляет большую ценность. Многие постройки не сохранились, но о том, с какой любовью и фантазией проектировал, их Батеньков, можно судить, по названиям: «Тетушкин каприз» (это отдельный домик для родственницы Сосулина, не пожелавшей жить среди шума гостей), «Соломенный хутор», «Куро-петушиный замок». Конечно же, Степановка заслуживает самого пристального внимания. Это частичка славной истории губернского Томска, пример разумного и удачного использования красоты здешней природы.

Купец, откупщик-виноторговец Степан Егорович Сосулин благодаря своей даче остался в биографии города навсегда. А может, кто-нибудь из современных купцов, кто-

нибудь из наших предпринимателей захочет восстановить старинную красоту? Институт «Сибспецпроектреставрация» готов, выполнить все необходимые проекты. Старинный дом может стать и собственностью того, кто оплатит реставрацию.

Стойлов, Э.

Дача, обессмертившая Степана Сосулина \\ Красное знамя. 1994.

2 февраля

Династия Сосулиных и Степановка

Из всех знаменитых людей, когда-либо побывавших в Томске, Гавриил Степанович Батеньков был первым, кто так поэтично и влюбленно говорил о нашем городе: ведь он был... потомственным томичом. Здесь было множество его родни: Таптыковы, Аргамаковы, Ламановы. Здесь жила его прабабушка.

Вот почему Батеньков выбрал Томск для своей творческой деятельности в качестве инженера после окончания института. Вот почему он снова выбрал Томск для отбывания вечной ссылки после двадцатилетнего заключения в Петропавловской крепости. Батеньков очень поэтично описывал древний острог на Воскресенской горе и свои посещения старой деревянной Троицкой церкви, где ныне - костел.

Но больше всего он любил Степановку. Этот уголок на берегу Ушайки площадью в 55 десятин подарил Батенькову купец Степан Сосулин в благодарность за участие в строительстве загородного дворца Сосулиных и церкви.

Гавриил Степанович был знаком с Сосулиным еще в первый период своего пребывания в Томске в 1817 году. Купец еще в то время заметил его инженерный талант.

А в 1849 году Батеньков писал: "Через такое долгое время разлуки я считаю себя принадлежащим к делу Степана Егоровича".

В городе Сосулины владели домом напротив нынешнего главпочтамта. Позже, в 80-х годах XIX века, здесь находилась контрольная палата.

А второй дом Сосулиных был на Садовой, 44 (ныне Ленина, 39, теперь тут сквер с бюстом Вахрушева). Дом Сосулиных был двухэтажный, а во дворе его находились двухэтажный флигель и каретник.

До самой революции и сын Петр, и внук (Степана Александр продолжали его дело - занимались торговлей. Далее для историков следы Сосулиных теряются.

- Да они же все на ТЭМЗе! - подсказали мне знакомые люди.

Действительно, стоит только заглянуть в книгу "О людях с чистой совестью", изданную в 1992 году, и на странице 404-й можно прочитать: "...в 1935 году слесарь Сосулин А.К. успешно справился со сложнейшей технической задачей. (Речь идет об образце первого отбойного молотка).

И вот я беседую с потомком Степана Сосулина в пятом поколении Юрием Анатольевичем 1949 года рождения.

- Да, я тоже работал на ТЭМЗе, - сказал он. - Но в книге говорится о моем отце, Анатолии Константиновиче. Я знаю о своих предках, но вы лучше обратитесь к моему двоюродному брату. Он старше меня на 11 лет и вам расскажет побольше, чем я.

- Я всю жизнь проработал на радиотехническом заводе в качестве старшего мастера по механизации и автоматизации, - говорит Герман Александрович Сосулин. - А выросли мы в доме на Клинической, 15 (теперь Аркадия Иванова), по соседству со знаменитым садоводом Перовым, у которого жил медведь в клетке. В нашем дворе проживала уважаемая всеми семья учительницы школы N8 Ирины Степановны Лебедевой. Хорошо помню своего деда, Константина Александровича Сосулина. Он работал в ТПИ старшим лаборантом на кафедре геометрии и высшей математики у профессора Скрипова. Прадед мой был почетным гражданином Томска. Но вы обязательно встретитесь с моей тетей, Светланой Константиновной: у нее, как в музее, все хранится - и фотографии, и старинные купеческие печати.

Светлане Константиновне тоже уже далеко за 60. Но выглядит она так бодро, что только остается радоваться ее энергии.

- Одну из печатей и старинный купеческий диван я отдала в музей, - говорит Светлана Константиновна, раскладывая на столе фотографии начала века. - А вот хранятся ли они там, не знаю. Последнюю, печать никому не отдам. Можете поглядеть, - с этими словами Светлана Сосулина выложила на стол стеклянный (а, может, хрустальный?) предмет со множеством шеек и граней, размером со стакан. Это была печать с виньетками и текстом: "А.П. Сосулин".

- Мой дед, Александр Сосулин, был почетным гражданином Томска, имел свою лавку, жил на нынешней главной улице города, - продолжает она. - Похоронили его недалеко от дома - в конце улицы Пирогова.

Мой отец родился в 1888 году, тоже на главной улице города, в сотне шагов от ТПИ, где и проработал 50 лет на кафедре графики и начертательной геометрии старшим лаборантом. Одному Богу известно, когда и как его "переместили" из фамильного особняка купцов Сосулиных вниз, под горку, в Тюремный переулок на квартиру к частнику, располагавшему тут тремя домами. Умер Константин Сосулин в 1955 году и похоронен на Южном кладбище.

А мы родились на пер. Тюремном, 15, и пополнили рабочий класс. Все шли на ближайший ТЭМЗ, до войны называвшийся "Металлистом". Про моего брата вы уже читали в книге. А за ним на завод пришла моя мама. Она в войну устроилась на ТЭМЗ вахтером. И первым, кого она не пропустила без документов, был сам директор Лаврентьев! За бдительность ее немедленно премировали. Сколько вызвала зависти у сослуживцев!

Я пришла на завод в 1953 году и проработала там контролером ОТК и распределителем работ. За 42 года моей службы сменилось 16 директоров.

Сын Коля тоже работает на ТЭМЗе. Он слесарь-сборщик. Ему сейчас 45 лет. А всего нас 8 человек, Сосулиных, работающих на ТЭМЗе, - целая династия. Предки наши были почетными людьми в Томске. Но и мы не нарушили их славы и чести. Доблестно трудились, хоть и в другом сословии, в рабочем классе.

А что же собой представляет эта сама Степановка, основанная С. Сосулиным и поэтически воспетая Батеньковым полтора века назад?

Заимка Степана Егоровича находилась там, где сейчас идут номера улицы Богдана Хмельницкого; 127, 129, точнее - напротив этих домов и чуть далее по горе налево от дороги. А вблизи дома № 127 была церковь Святого Стефана, у которой Батеньков желал быть похороненным (вечную ссылку отменил ему Александр II в 1856 году).

Даже сто лет назад Степановка была отделена от станции Степановской (ныне Трмск-1) густым березняком. Интересна судьба этого леса. В конце XIX века единственный в Томске резервный батальон под командованием Пепеляева - отца здесь проводил учебные занятия. Как правило, они завершались посещением Степановской заимки, где храброе воинство хозяин встречал бочкой вина. Даже сменивший позже Сосулина скуповатый Фуксман все равно выдерживал начатый Степаном обычай: выкатывал два бочонка водки! Затем солдаты с песнями возвращались в казармы на улицу Черепичную (ныне стадион "Труд").

Напротив восточного конца Степановской станции, которая к этому времени называлась Межениновкой, со стороны города во время первой мировой войны находился концлагерь австрийских военнопленных. За четыре года пребывания тут они для топлива вырубали весь березняк за станцией. Там, где теперь проходят улицы Социалистическая, Узбекская и прочие "республики". На месте "австрийской" вырубке в 30-х годах была устроена городская свалка. "Археологический" след от нее проявился в начале 70-х годов, когда жители "республиканских" улиц рыли траншеи для теплотрассы: из ямы вынимали не чистый грунт, а сплошные... подошвы от сапог и прочую кожаную обрезь. Зато благодаря австрийцам, расчистившим территорию от леса, здесь в 50-х годах была возведена в плановом порядке новая, ближняя Степановка.

85 лет назад большевики под натиском наступавших чехов ушли из города, а к власти пришел... Ульянов! Курьезно, но

факт: такую фамилию имел человек, возглавивший белогвардейскую власть в Томске.

Первым распоряжением новых властей было обращение к разбежавшимся военнопленным: мол, господа пленные, просим вернуться в концлагеря, иначе расстреляем. Но среди пленных не нашлось дурней, чтобы выполнить подобное распоряжение. Ведь многие из них были славяне - те же чехи, словаки, сербы, поляки, гуцулы, галичане. Многие из них пристроились в домах у русских женщин - солдаток и вдов. Некоторые, а их было немало, стали томичами и жили, в Томске аж до 1937-го.

В тридцать седьмом их, конечно, в первую очередь чекисты замели как "врагов народа". Странно, но почему-то чехи, жившие в Томске, под эту косу не попали...

А в 1918 году чехи, занявшие Томск (единственная иностранная армия, оккупировавшая когда-либо наш город!) лихо устраивали парады, доходя до станции Степановской-Межениновки-Томска-1. Тут у разведенных костров они устраивали с триумфом митинги русско-чешской дружбы и славянского единства.

Бурматов, Г.

Красное знамя. 2003. 21 августа. С 3

ЗАХАРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЦИБУЛЬСКИЙ

Захарий Михайлович Цибульский был выходцем из крестьян Енисейской губернии, получившим лишь начальное образование. Позже это уважаемый, влиятельный человек в Томске, золотопромышленник, коммерции советник, городской голова (1879-1882). Современник вспоминал о роли этого человека в томском обществе первых

пореформенных десятилетий:

- Вы были у Захария Михайловича?- был первый вопрос, задаваемый каждому иногородцу.

- Нет, не был,- отвечал он.

- Что вы, помилуйте, непременно поезжайте. Только после приема Цибульским Вам откроется возможность и доступ в другие дома! «И всякий ехал и, надо правду сказать, что никто о посещении им Цибульского, не жалел. Роскошный дом... прекрасная, богатая обстановка, почтенный большого ума и такта хозяин З. М. Цибульский, его супруга, ныне покойная, Федосья Емельяновна Цибульская, маленький придворный штат почтительных и разнообразных слушателей привлекали в этот дом широкого гостеприимства и действительно доказывали, что это центральный пункт томского общества».

Цибульский был избран в 1879 году на пост городского головы, причем от жалованья отказался. Как городской голова, большое внимание он уделял мощению улиц. Известно, что Захарий Михайлович даже на свои личные средства (на собственных лошадях с подводами) поставлял с берега Томи гравий для городских улиц.

Среди томских купцов Цибульский выделялся размерами своих пожертвований в пользу образования, причем не только начального, но и высшего. Вот наиболее значительные его пожертвования: 15 тыс. руб. на окончание строительства реального училища в Томске, 18 тыс. руб. на стипендии в различные учебные заведения, 40 тыс. руб. на фундамент Сибирского университета и 100 тыс. руб. на завершение его строительства. Захарий Михайлович стал, по его словам, «горячим ревнителем Сибирского университета». Он выступал по этому поводу в печати, обращался к министру народного просвещения, решительно настаивал на скорейшем решении вопроса. О своем желании стать университетскими заявляли не менее семи городов. В этой ситуации Цибульский сделал важный шаг - пожертвовал на строительство 100 тыс. руб., причем с условием, что располагаться университет будет в Томске. Как Томский городской голова Цибульский входил в состав строительного комитета по возведению

университетских зданий. 22 июля 1888 года, во время торжественного открытия университета, в его актовом зале наряду с царскими портретами висели портреты купцов и золотопромышленников З. Цибульского и А. Сибирякова.

Цибульские содержали Мариинский детский приют, доведя его капиталы до 130 тыс. руб. Всего Цибульские пожертвовали на этот приют 143 тыс. рублей, он располагался в собственном каменном двухэтажном доме и имел еще особый капитал, который образовывался от заработков воспитанниц и выдавался им после выхода из приюта. Программа обучения была расширена до размеров курса сельских учительниц. И все-таки даже такие огромные пожертвования Цибульских, что было большой редкостью для Сибири, были в несколько раз меньше пожертвований на эти цели иркутского купца и пароходчика И. С. Хаминова, который "на нужды учебного и просветительского дела" дал около 1 млн. руб.

После смерти З.М. Цибульского в 1882 г. попечительство в приюте продолжала его вдова. Трудно сейчас судить, насколько достоверно написана заметка, помещенная в "Сибирской газете", но после ее публикации с редким единодушием 38 гласных городской думы выразили свое сочувствие Ф. Е. Цибульской по поводу появления этой статьи. Ее суть сводилась к тому, что приют "низведен до степени прихоти богатой женщины, прихоти капитала, унижающей - питомцев. Все занятия детей сосредоточены на исполнении желаний г-жи Цибульской, приказывающей вязать для себя салфетки, скатерти, ковры... Для этой именно цели, в качестве работниц, в приюте содержатся вполне взрослые девицы, которым давно пора уступить свое место другим."

Этот приют, кстати, был открыт на деньги золотопромышленника А. Попова в 1844 г., а затем его попечительницей стала супруга И. Д. Асташева, ежегодно расходуя на него 3-4 тыс. руб. В приюте было до 100 детей, из которых 20 жили в приюте постоянно, на полном обеспечении, а остальные приходили. С 1875 г. заботы о приюте приняли на себя супруги Цибульские. После открытия в Томске приюта

для мальчиков, сюда принимали только девочек на полный пансион (60 чел.).

Бойко, В. П.
Томское купечество. Томск, 1996

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ДАЙДЖЕСТЕ

1. Булгакова, О. Что завещали нам томские купцы / О. Булгакова // Красное знамя.-2003.- 30 июля.- С.4
2. Бурматов, Г. Династия Сосулиных и Степановка / Г. Бурматов // Красное знамя.- 2003.- 21 августа.- С.3
3. Дмитриенко, Н. Взлет и падение дома Вытновых / Н. Дмитриенко // Томский вестник.- 1994.- С.3
4. Дмитриенко, Н. Вытновы /Н. Дмитриенко // Томский вестник.- 1994.- 4 мая.- С.10
5. Дмитриенко, Н. Петр Васильевич Михайлов / Н. Дмитриенко // ТМ-экспресс.- 1991.- 24 мая.- С.7
6. Дмитриенко, Н. Семейное дерево Некрасовых / Н. Дмитриенко // Томский вестник.- 1996.- 26 июня.- С.12
7. Дмитриенко, Н. Федор Харлампиевич Пушкинов / Н. Дмитриенко // Томский вестник.- 1995.- 7 октября.- С.4
8. Журавлева, Е. Карим-бай / Е. Журавлева // Красное знамя.- 1997.- 24 декабря.- С.11
9. Захарий Михайлович Цибульский // Бойко, В.П. Томское купечество.- Томск, 1996.- С. 56-58
10. Масленников, В. Больница Некрасова / В. Масленников // Томский вестник.- 1992.- 29 февраля.- С.3
11. Разумов, О. Братья Королевы / О. Разумов // Томский вестник.- 1994.- 1 октября.- С.13
12. Разумов, О. Евграф Иванович Королёв / О. Разумов // Томский вестник.- 1993.- 6 августа.- С.6
13. Разумов, О. Томские Крюгеры / О. Разумов // Томский вестник.- 1996.- 28 июня.- С.10
14. Стойлов, Э. Дача, обессмертившая Степана Сосулина / Э. Стойлов // Красное знамя.- 1994.- 4 февраля
15. Стойлов, Э. Дочь Заисточного Карим-бая / Э. Стойлов // Красное знамя.- 1998.- 26 сентября.- С.4
16. Стойлов, Э. Евграф Кухтерин и его сыновья /Э. Стойлов // Красное знамя.- 1990.- 27-28 октября.- С.12
17. Стойлов, Э. Михайловская роща / Э. Стойлов // Красное знамя.- 1994.- 1 октября.- С.2

Томское купечество
Выпуск 2
Дайджест

Составители:
Авдеева Ольга Анатольевна, библиотекарь
Скорниченко Майна Анатольевна, гл. библиограф

Муниципальная информационная
библиотечная система г. Томска
Муниципальная библиотека «Северная»

634049 г. Томск, Иркутский тр., 80/1
тел. 76-79-28, 76-79-32
e-mail: ecology@library.tomsk.ru
www.library.tomsk.ru